

Своя

июль—август 2017

журнал
Никиты Михалкова

УТРО РОССИИ:
320 лет назад
наша держава
приросла Камчаткой

ФОТО: ДЕНИС БУДЬКОВИЧ

Пропавшие письма

Освобождение крестьян:
малоизвестные факты

Орел степной, казак лихой

Шестое чувство
Александра Ханжонкова

Поющая девушка Лида

Вспоминаем
звезду 1960-х

Принуждены судьбе повиноваться

Государственный музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века» (единое название музейного комплекса) представляет выставочный проект «**Между прошлым и будущим: судьбы неведомые тропы**». Посетители ознакомятся с портретным собранием графов Шереметевых. Экспонируются по два портрета каждого персонажа. Выполненные в разные годы, они показывают, как менялся со временем тот или иной облик, как отразились на нем жизненные вехи.

Открывает проект выставка «**Принуждены судьбе повиноваться**». Это название — строка из «Своеручных записок княгини Натальи Борисовны Долгорукой», мемуаров XVIII столетия. На первом портрете юная Наталья (1714–1771), старшая дочь фельдмаршала Шереметева, изображена, вероятно, перед обручением с фаворитом императора

Петра II, князем Иваном Долгоруким. Рядом — она же, но уже в облике схимонахини Нектарии.

Почти сорок лет разделяют образы. За это время произошло множество драматических

событий, в том числе смерть Петра II от оспы, опала семьи Долгоруких при Анне Иоанновне, долгое странствие с мужем в сибирскую ссылку, смерть среднего сына, возвращение после казни супруга в Москву, пострижение в монахини во Флоровском женском монастыре Киева и, наконец, принятие в 1767 году схимы.

Выставлены и сами «Своеручные записки...», изданные в 1913 году на средства графа Сергея Шереметева.

Выставка, организованная при поддержке Правительства Москвы, продлится во дворце Музея-усадьбы «Кусково» до 13 сентября.

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Перелистывая прошлое	36–39	Великие реалисты
Русь не ушедшая
3–7	Русская Евразия
Утро России	40–43	Литфонд
Неоконченная пьеса
8–11	Символ веры
И врата ада не одолеют ее	44–47	Стоп-кадр
Орел степной, казак лихой
12–15	Философ о философе
Логос против хаоса	48–50	Память
Поющая девушка Лида
16–18	Своя земля
Пропавшие письма	51–53	Долгое эхо
Народный Орфей СССР
19–23	Наука побеждать
С нами Бог и Андреевский флаг	54–57	На семи холмах
По Тверской-Ямской, да с гармошечкой
24–27	Полководцы
«Звание маршала — заслужил»	58–63	Записки охотника
В угодьях Бориса и Глеба
28–31	Золотой век
В мой кубок с вином льются слезы	64	Трапезная
Готовь сласти летом
32–35	Родное слово
В обезьяньем царстве,
в карачуньем государстве		

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Михаил Бударгин, Наталья Семина

Ответственный секретарь: Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

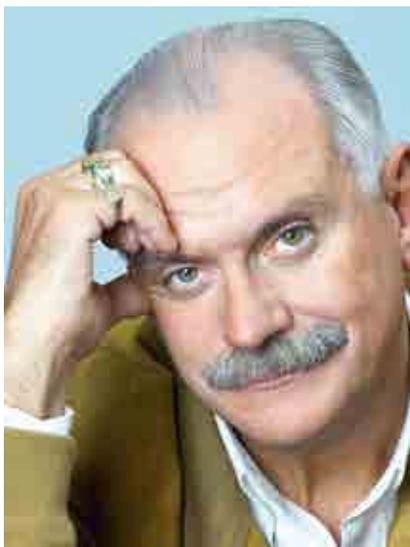
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат». **Номер заказа:** 1925

Тираж 40 155

Подписано в печать 19 июня 2017 г.

Перелистывая прошлое

Дневники, которые я вел с 1970-х, со времени прохождения срочной службы на Камчатке, были изданы отдельной книгой только в прошлом году. Почему не опубликовал их раньше, скажем, лет двадцать пять, а то и тридцать назад, когда пинать умирающее государство считалось хорошим тоном? Объяснение простое: я никогда не пел в хоре. И уж совсем не хотелось поддакивать тем, кто в силу идеологической аберрации зрения ухитрялся видеть в СССР только дурное.

Людам неравнодушным по молодости, как правило, присущ максимализм — категорическое неприятие всех изъянов социального строя, с которыми сталкивает нас жизнь. Лишь приобретя опыт, мы начинаем понимать, что в политике зачастую выбирают не между хорошим и плохим, но между меньшим и большим из зол. Советского Союза давно нет, и мои заметки 45-летней давности повредить ему не могут. Зато пищи для размышлений они, как мне кажется, не лишены.

Осенью 1972-го, участвуя в камчатской экспедиции по «местам революционной, боевой и трудовой славы», я записал: «Нужно отказаться от системы очковтирательства, лжи, отказаться от выдуманных, внешних принципов и символов. Отказаться от идолопоклонства, от партийного язычества. Это причина бед во всех отраслях жизни нашей страны». И подкрепил нехитрый, в общем-то, тезис рядом наблюдений. Например: «Привели старика к нам на встречу, на разговор... посадили в кресло, за стол, под портрет Ленина... С 1954 года он жил на пенсию в 20 рублей. Сестра его, 78 лет, получает 30 рублей, да есть еще одна сестра, совсем слепая, 68 лет, — та без пенсии вовсе... Вот так они и жили втроем, на 50 рублей... Старик говорит, бывали дни, когда в доме и хлеба кусочка не было. Нашли Иова (так этого дедушку звали) совсем недавно, пенсию прибавили до 60 рублей. И теперь дед говорит: «Нынче все хорошо». Купили ему костюм, а он верхнюю одежду называет «лопатишка». Хорошую одежду не носит, говорит, что бережет — в гроб ложиться. Хочу, мол, лечь красивым»...

До сих пор убежден, что любая критика оправданна, если в основе ее — живая сердечная боль. Но, конечно, дневники мои состоят не только из сердца горестных замет. В тех записях сохранились трудности и радости экспедиции («Вечером опять купались в минеральных ваннах. Ощущение совершенно божественное. Вообще, приехать сюда работать над чем-то стоящим — сказка...»), экстремальные приключения; искренний восторг перед фантастическими богатствами ни с чем не сравнимого края; ображения насчет здоровой психологии камчатских работяг («Вспомнились мысли Достоевского о том, что русскому человеку всегда необходим смысл в деле...»).

И главное: в дневниках нет ничего похожего на беспокойство относительно будущего страны. Ее огромность, величие, территориальное, природное, этническое и прочее многообразие воспринимаются как вечная, непоколебимая данность. Тогда подобное чувство называлось «уверенностью в завтрашнем дне». На мой взгляд, нет ничего более необходимого нам сейчас.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the author's name.

Утро России

Таинственный берег под вечной шапкой туманов «за синим перекрестком двенадцати ветров», где между огнедышащих вулканов и курящихся гейзеров бродят исполинские медведи, реки кишат лососем, прущим на нерест, а землю под ногами периодически весело потряхивает, — это, конечно же, о Камчатке. Здесь начинается утро Родины, и тут же — передний край ее обороны. Полуостров отмечает 320 лет с момента присоединения к России: 23 июля 1697-го казачий атаман Владимир Атласов установил православный крест в устье небольшой камчатской речушки.

Андрей Самохин

КОГДА наши предки вышли к Чукотке, приведя под руку белого царя всю Сибирь, проникновение русских на Камчатку с присоединением ее к православному царству стало неизбежным.

Первыми шли, как водится, казаки, налаживали сбор ясака в государеву казну. Чертили карты, намечали места будущих крепостей, составляли «скаски» о пройденных землях и планы покорения тех, которых еще предстояло достичь. За казаками следовали купцы, приказные, ученые, солдаты.

Первым русским на полуострове, скорее всего, был не атаман Атласов, которого Пушкин окрестил «камчатским Ермаком», а Федот Попов, который отправился на край света вместе со служилым сборщиком ясака и торговцем пушниной Семеном Дежнёвым, а также коллегой-конкурентом последнего Герасимом Анкудиновым. Летом 1648 года семь русских кочей вышли из Нижнеколымска в Студеное море (Ледовитый океан), намереваясь отыскать водный путь на восток материка. Обогнув Чукотку у мыса Большой Каменный Нос (ныне мыс Дежнёва) и открыв попутно будущий «пролив Беринга», разделяющий континенты, экспедиция попала в жестокий шторм, разметавший суда.

Дежнёв с остатками людей кое-как достиг среднего течения реки Анадырь. Кочи Попова и Анкудинова унесло дальше на юг. Войдя в устье реки Камчатки, казаки доплыли на своих потрепанных судах до северного ее притока — Никула, где и перезимовали. А по весне вновь спустились к морю, прошли вдоль почти всего восточного, а затем и западного камчатского побережья — до устья реки Тигиль. Во время дальнейшего пути Попов и его спутники погибли, но остались в памяти камчадалов и последователей-соотечественников, еще долго звавших Никул Федотихой. Анкудинов при этом даже во временные топонимы не попал. Впрочем, оба они для официальной камчатской истории остались фигурами как бы доисторическими.

Поход Владимира Атласова на полуостров через почти полвека был уже не случайным, хотя и авантюрным. В качестве приказчика (командира) Анадырского острога он отправил в 1696 году на границу Чукотки и Камчатки небольшой разведывательный отряд под началом якутского казака Луки Морозко. Тамошние коряки поведали много интересного о земле, лежащей к югу, в том числе о гряде заселенных океанских островов. Атласов решил рискнуть. Якутский воевода Михаил Арсеньев, опасаясь провала и царского гнева, одобрил предприятие лишь на словах, не снарядив

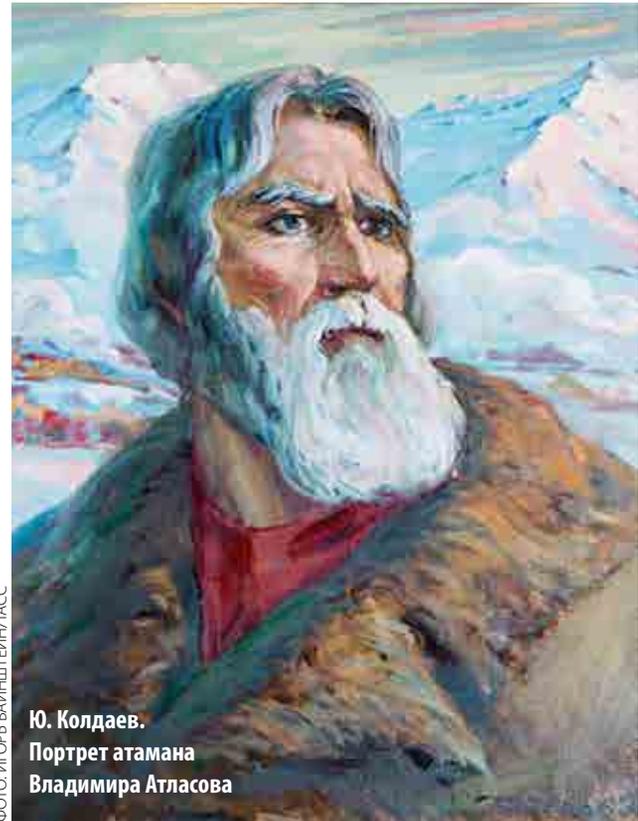

ФОТО: ИГОРЬ ВАЙНСШТЕЙН/ТАСС

Ю. Колдаев.
Портрет атамана
Владимира Атласова

экспедицию на деле. Путешественник сам привлекал частные инвестиции, обращаясь к местным купцам. Покрыть затраты предполагалось за счет чаемой добычи.

В конце 1697-го отряд Атласова в 125 человек, русских и юкагиров, отправился в поход. Для разреженного населения Камчатки, не знавшего пороха и железа, это была внушительная сила.

Благополучно собрав ясак красными лисицами в Пенжинской губе, военная экспедиция перевалила через Корякское нагорье и вышла к Олюторскому заливу. Обложить царскою данью тамошних коряков удалось «ласкою и приветом». Разумеется, довеском к доброму слову служила наглядная демонстрация возможностей пицалей и походных мортир. Атаман по просьбе вождя одного из местных племен даже выступил с ним в союзе против воинственных соседей. «И он де Володимер, с служилыми людьми их, камчадалов, громили и небольших людей побили и посады их выжгли».

По-иному начала складываться судьба предприятия, когда отряд разделился на две партии. Атласов с половиной людей вернулся к Охотскому морю и двинулся на юг вдоль западного побережья, в то время как Лука Морозко с остальными начал обходить полуостров по восточному берегу.

Новости в тундре распространяются быстро. Прознав, что грозных пришельцев сильно поубавилось, коряки на одном из стойбищ отказались платить ясак и окружили Атласова со товарищи. Сообразив, что баланс сил изменился, юкагиры немедленно изме-

Пакетботы Второй камчатской экспедиции «Святой Петр» и «Святой Павел»

нили казакам и напали на них сообща с местными. В яростной схватке трое русских погибли, многие другие вместе с самим атаманом были ранены. Выбрав стратегически удачную точку, выставили по кругу обозы, сели в «осад». При этом Атласов сумел отправить верного юкагира гонцом к Морозко за подмогой. Последний не замедлил прибыть, погромив и рассеяв нападавших.

Вновь объединившись, шестьдесят пять атласовцев поднялись по реке Тигиль до Срединного хребта и, перевалив его, вышли у Ключевской сопки к реке Камчатке. Именно там, в устье ее притока, позже названного рекой Крестовой, русские установили православный крест с надписью, закрепившей эти земли за Россией. Спустя 40 лет его обнаружил и описал Степан Крашенинников, исследователь уже ставшей официально русской Камчатки.

Итак, первый шаг в деле присоединения был сделан. Обойдя новую землю, совершая рейды в глубь полуострова, Атласов поставил несколько государевых острогов и по суше вернулся в 1699 году в Анадырь — со щитом, богатым ясаком и новым владением для царя-батюшки. За пять лет экспедиционный отряд прошел более 11 тысяч километров. С таким багажом заслуг и отправился лихой казак в Якутск, а позже в Москву. Его подробный доклад о чудесной стране был высоко оценен Петром I и сподвижниками монарха. Зачарованно слушали в Сибирском приказе описания огнедышащих гор и горячих фонтанов, бьющих из-под земли, несметных стад красной рыбы со вкуснейшей икрой, обычаев коряков, ительменов, айнов

(«курильских мужиков»), а также загадочных островов, идущих до самой Японии. Обласканный государем и назначенный казачьим головой, он был вновь отправлен на Камчатку в 1701-м, однако прибыл туда... лишь пять лет спустя.

Как позже описывал Крашенинников: «Но Атласов на Камчатку не отправлен по 1706 год за бывшим над ним следствием; ибо он, едучи из Тобольска судами в 1701 году, разбил на реке Тунгуске дощаник с китайскими товарами гостя Логина Добрынина, в чем на него прикащик того гостя в Якутске бил челом, и по тому челобитию он, Атласов, с главными заводчики в 10 человеках посажен в тюрьму, а на его место в 1702 году отправлен на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьев».

За этим скупым описанием разбойной удали камчатского Ермака, потерявшего голову от ласк фортуны, видятся и другие обстоятельства. Сибирские власти фактически саботировали царский указ о снабжении нового казачьего головы средствами для осуществления камчатской миссии. Вот и пришлось ему добывать «зипуны» по старинке. Ну а далее, уверовав в безнаказанность, вступил на кривую дорожку, запил-загулял, расшалился. Безобразия, которые учинил в Илимске покоритель Камчатки со своими сорвиголовами, привели его к аресту, в пыточную избу, а потом — в тюрьму (скорее всего, домашнюю) в Якутске. Местные власти, снесясь с Москвой, вынуждены были все же его выпустить, дабы наконец принял он назначение начальником Верхнего и Нижнего Камчатских острогов. За это время на полуостров проник-

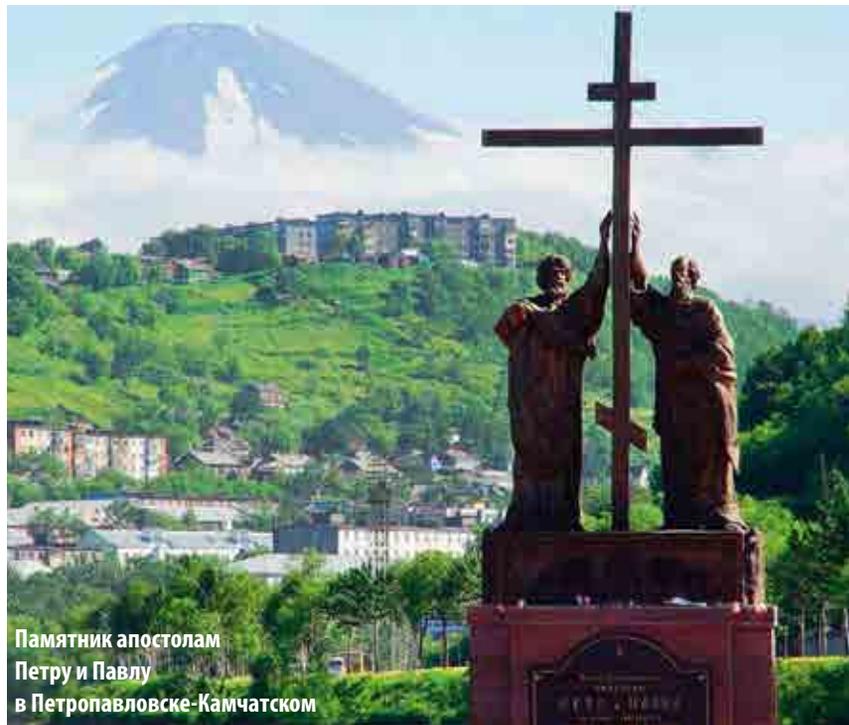
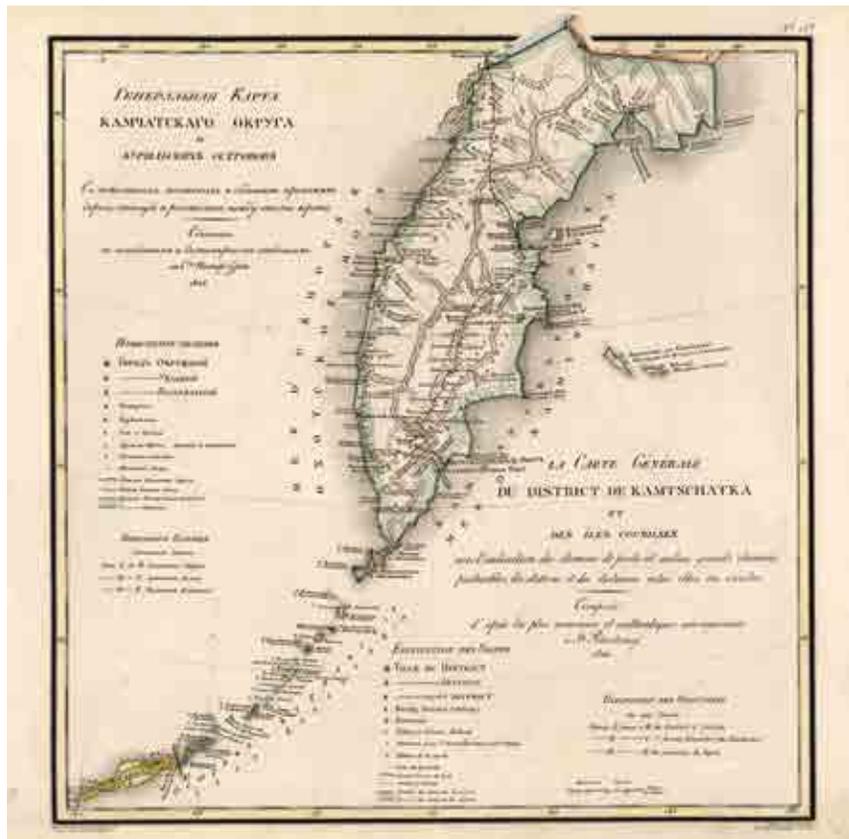
РУССКАЯ ЕВРАЗИЯ

ло несколько ватаг охочих людей, разведавших его еще более детально, но безжалостно притеснявших и убивавших камчадалов. Атласов должен был как раз пресечь разгул бесчинств.

Однако в этот раз с самого начала все не задалось у него на краю света. Казаки, привыкшие уже к вольнице, принялись строчить на него жалобы в Якутск, а затем восстали и посадили его в острожную тюрьму, из которой он, впрочем, убежал. Началась большая камчатская смута, служивые воевали друг с другом и коренными жителями, на полуострове действовали одновременно три приказчика с Большой земли. Для Владимира Атласова в Нижнекамчатске дело кончилось тем, что бунтовщики зарезали его спящим. Это случилось в 1711 году.

Но вот парадокс того буйного времени: убийцы первопроходца Данила Анциферов и Иван Козыревский остались в истории еще и как дооткрыватели этой земли. Озабоченные прощением властей, они отправились к югу полуострова и переплыли на байдарках на ближайший остров Курильской гряды — Шумшу. Описывая его в своих скасках, переданных начальству в Якутск, казаки-разбойники не удержались и для вящего эффекта приврали про посещение и следующего острова (Парамушира), что позже вскрылось на следствии. Дальнейшая судьба Козыревского, ставшего иеромонахом, основателем монастырей, а после вновь мореходом, умершего в конечном итоге в ожидании казни, поразительна и достойна отдельного описания.

Как бы то ни было, простого «ясачного» завоевания новой имперской окраины с редкими острожками было явно недостаточно для полноценного включения Камчатки в российский хозяйственный оборот. Требовалось научное исследование, что и выполнили Первая и особенно Вторая кам-

Памятник апостолам Петру и Павлу в Петропавловске-Камчатском

чатские экспедиции под руководством капитана-командора Витуса Беринга, датчанина на русской службе, прозванного Иваном Ивановичем.

«Капитан Беринг открыл наш дикий берег. Что за чудо-капи-

тан!» — поется в песенке Юлия Кима времен его учительства на Камчатке. И хотя здесь явная натяжка — все берега полуострова были открыты до Беринга — больших заслуг у командора не отнять.

В далекий путь Первая экспедиция отправилась в 1725-м с заданием самого Петра I. Пройдя тяжелейшим маршрутом по суше и рекам Сибири, она достигла Камчатки лишь через три года.

Построив там из подручных материалов бот «Святой Гавриил», моряки вышли в океан и двинулись курсом норд-ост. Официальная цель — подтвердить наличие пролива между Евразией и Америкой, обнаруженного Дежнёвым. Это царское задание прикрывало собой другое, более важное: доттичь американского побережья и разведать его значительно южнее, «где она сошла с Америкой и чтоб доехать до какого города европейских владений». Как считают некоторые историки, речь шла о ресурсах пушнины, морского зверя, а возможно, и золота на малоосвоенных и малонаселенных землях. А также — о новых форпостах империи Российской в другом полушарии. Камчатка в данном контексте рассматривалась как пункт подскока. Есть данные о том, что одной из деликатных задач экспедиции было налаживание политико-экономических контактов с Японией и нахождение удобного морского пути в Китай, что не могло понравиться европейцам. Кстати, русские карты дальневосточных побережий и морей, будучи секретными, оказывались в Западной Европе порой раньше их официальной публикации в Санкт-Петербурге. Успехи российских пионеров весьма встревоженно встретили в главных морских столицах — Лондоне и Мадриде.

Сделав ряд промежуточных географических открытий, экспедиция со своими сверхцелями, явной и тайной, не справилась. О чем с показным неудовольствием выговаривали Берингу, вернувшемуся в Петербург в 1730-м, господа сенаторы.

Вторая камчатская экспедиция, стартовавшая десятилетие спустя во главе с тем же командором

и его ближайшим помощником Алексеем Чириковым, стала куда более плодотворной, хоть и отняла много жизней, в том числе самого Беринга. Пройдя вдоль всего северо-восточного побережья России, она прояснила вопрос о наших государственных границах, подтвердила сведения Дежнёва о проливе; в октябре 1740 года основала в Авачинской бухте город Петропавловск, названный так по именам двух пакетботов «Святой апостол Павел» и «Святой апостол Петр»; исследовала и описала Курильские, открыла Алеутские и Командорские острова, наконец, достигла северо-западного побережья Америки.

**Точно маяк,
Камчатка манила и манит
к себе настоящих
романтиков, людей
сильных духом,
горящих любовью
к новым, неизведанным
горизонтам**

О загадках, подвигах и лишениях этого великого морского приключения написано немало книг, сняты кинофильмы. В деле освоения самой Камчатки главными составляющими проекта оказались, пожалуй, исследовательская работа адъюнкта Петербургской академии наук Георга Стеллера и многолетний научный подвиг студента Степана Крашенинникова, увенчавшийся фундаментальным трудом «Описание земли Камчатки». Именно последний в полной мере оценил потенциал полуострова, его значимость для России.

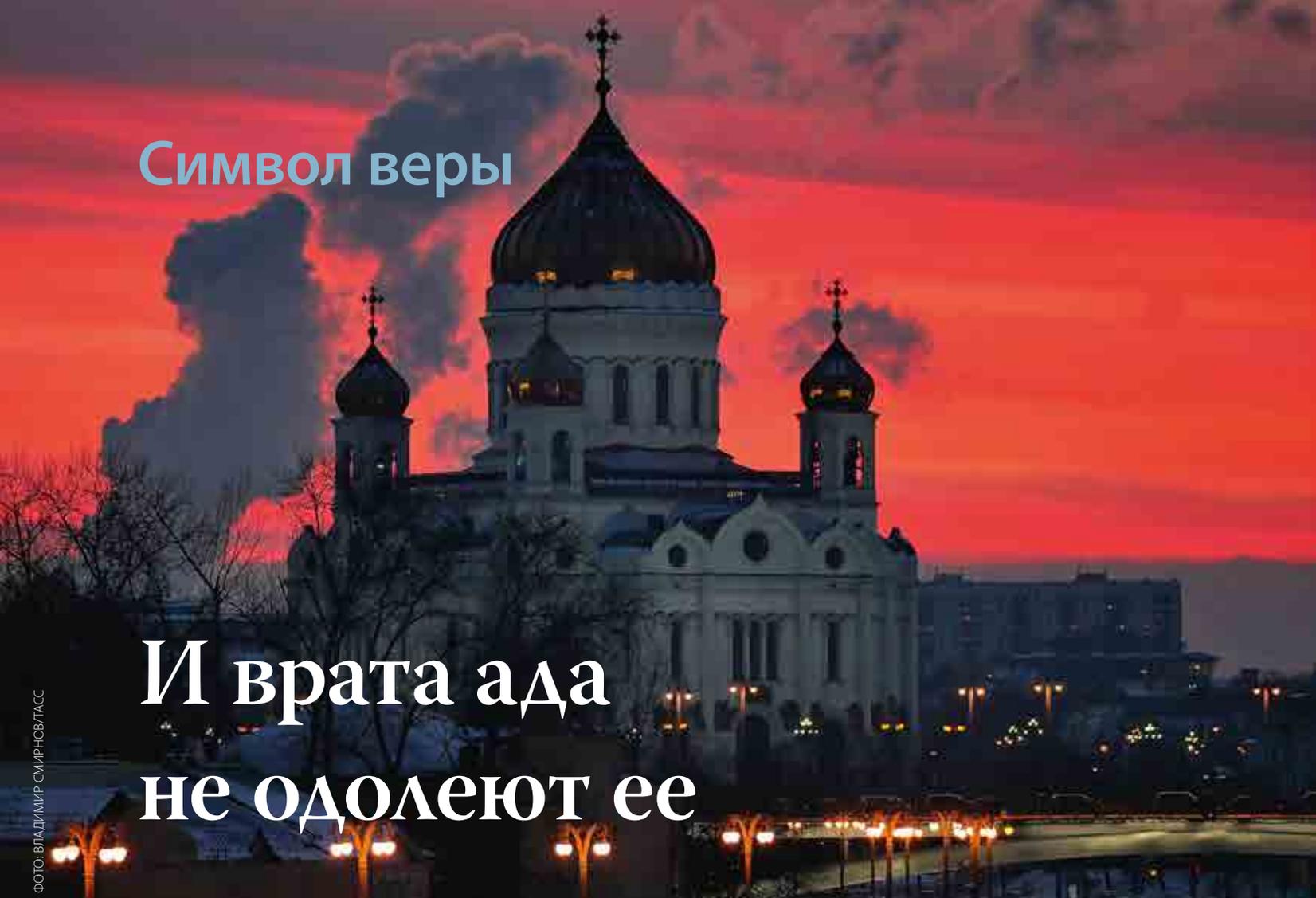
Позже, уже в XIX веке, одним их ярчайших эпизодов камчатской и национальной истории стала героическая оборона Петропавловского порта от нападения англо-французской эскадры во время

Крымской войны. Благодаря уму и энергии военного губернатора края адмирала Василия Завойко, бесстрашию русских солдат и простых жителей всего лишь семью небольшими батареями и менее чем тысячью «штыков» удалось отбиться от интервентов-евросоюзников, имевших более чем трехкратное превосходство в артиллерии и живой силе.

В советское время здесь была создана ключевая в плане обороноспособности государства база Тихоокеанского флота, обустроивались укрытия для атомных подводок, пункты космического слежения, знаменитый ракетный полигон Кура и многие другие военно-стратегические объекты. Практически все они действуют и сейчас.

Знавала Камчатка годы процветания и периоды застоя, государственного полужабвения, слышала хриплые гудки барж, везших невольников «Дальлага», и веселые песни рыбаков, сдавших богатый улов, а значит, зашибивших небывалую для «материка» денгу, и, конечно же, изумленные возгласы интуристов в Долине гейзеров; регулярно видела бесчисленные костры геологических отрядов и экзотические связи вяленой юколы на шестах у моря, строгие пограничные дозоры закрытой в годы СССР территории; пережила всевластие народно-хозяйственной империи под названием «Камчатрыбпром» и тоску заброшенности в 1990-е, когда люди массово бежали с полуострова на Большую землю.

Значимость Камчатки для страны всегда была огромной, совершенно особой. Точно маяк, она манила и манит к себе настоящих романтиков, людей сильных духом, горящих любовью к новым, неизведанным горизонтам. Таких, как Дежнёв, Попов, Атласов, Беринг, Чириков, Крашенинников и сотни других героев, открывших и освоивших этот сказочный край.

Символ веры

И врата ада не одолеют ее

ФОТО: ВЛАДИМИР СМЕРНОВ/ТАСС

Валерий Хмельницкий

Необходимость созыва Поместного собора, представительного органа, полномочного решать ключевые вопросы церковной жизни, стала ясна еще в начале 1900-х. Подобные форумы не проводились у нас с конца XVII века. За два столетия многое изменилось и в государстве, и в церкви. Часть духовенства считала нужным восстановить древние канонические структуры, прежде всего — пост патриарха, упраздненный Петром I, и Николай II не возражал против этого. Но о персональной кандидатуре иерархи не могли договориться вплоть до новых смутных времен.

ВТОТ период все общество было охвачено либеральными веяниями, заразившими, увы, и священство. Многие желали видеть Собор оппозиционным по отношению к светским властям, наподобие Думы. При широком разбросе взглядов и требований — от возрождения традиций до радикальных реформ — найти общие точки зрения было проблематично, и созыв откладывался.

Либеральные соблазны в полной мере проявили себя в дни Февральской революции. Высшее духовенство изменило царю одним из первых. Никто не вспомнил, что он — помазанник Божий, не попытался урезонить бунтующих солдат и рабочих, не напомнил о присяге престолу, данной в 1613 году. Даже в Святейшем синоде возобладали революционные настроения.

15 (2) марта, еще до отречения государя, тот признал власть Временного комитета Думы. 17 (4) марта из Синода вынесли кресло императора, а через два дня полетели распоряжения всем священникам — вместо царствовавшего дома поминать на службах «благочестивое Временное правительство».

Победившие заговорщики устроили чистку, назначили Владимира Львова новым обер-прокурором. Под его началом из высшего церковного органа удалили иерархов, которых сочли «реакционными». В такой обстановке 11 мая (29 апреля) 1917-го было издано обращение о созыве Поместного собора, гласившее: «Прошедший у нас государственный переворот... обеспечил и церкви возможность и право свободного устройства. Заветная мечта русских православных людей стала теперь осуществимой».

Выборы делегатов прошли в три этапа — в приходах, благочиниях и епархиях.

28 (15) августа в Москве, в Успенском соборе Кремля, состоялось торжественное открытие Собора. Из 564 делегатов больше половины составляли миряне. Почетным председателем избрали старейшего из иерархов церкви, митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). На заседаниях председательствовал митрополит Московский Тихон (Белавин). Создали 22 комиссии для рассмотрения обширного круга проблем. Эта деятельность разворачивалась на фоне драматических событий.

Как раз тогда была разыграна провокация с мифическим мятежом генерала Корнилова. Воспользовавшийся удачным предлогом Керенский ликвидировал остатки правых политических организаций. Собрал Демократическое совещание, сформировавшее предпарламент. Не дожидаясь Учредительного собрания, которое должно было решить принципы государственного устройства, провозгласили Россию республикой. В подобной атмосфере, в угаре «свобод», и Поместный собор многим виделся аналогом парламента, только церковного. На заседаниях выступали сам Керенский и министр внутренних дел Авксентьев (хотя оба были

видными масонами), а среди делегатов выделилось течение, которое позже оформилось в «обновленчество». Сторонники последнего требовали кардинальных реформ православия, по сути, протестантских — упрощения церкви, приспособления ее учения к социалистическим теориям.

Даже вопрос об избрании патриарха надолго завяз в жарких спорах. Радикальное крыло упорно противилось, пытаясь доказать, что восстановление патриаршества несет опасность диктатуры в церкви, предлагало коллегиальное управление наподобие расплывшихся тогда советов и комитетов. Впрочем, в стране уже дошло и до выборов священников, мало того — епископов, революционными прихожанами. Ситуация обваливалась в хаос. Правительство Керенского, наломавшее дров, теряло всякий авторитет, упустило из рук власть. Грянул октябрьский переворот.

Лишь после этого на Соборе стали брать верх трезвые голоса. Епископ Астраханский Митрофан говорил: «Россия горит, все гибнет. И разве можно теперь долго рассуждать, что нам нужно орудие для собирания, для объединения Руси? Когда идет война, нужен единый вожь, без которого воинство идет вразброд». Но и в тот момент предложение о выборах патриарха прошло далеко не подавляющим большинством: «за» проголосовал 141 делегат, «против» — 121, воздержались 12 человек. Пришлось принимать отдельное постановление: патриарх должен избираться из лиц священного сана (были мнения, допускающие ставить его вообще из мирян). Процедуру выборов утвердили в несколько этапов: сперва — тайное голосование, потом — жребий. В данном случае сохранили древнюю христианскую традицию — решили положиться на волю Самого Господа.

В первом туре подавали записки, и каждый делегат указывал одно имя, так обозначился список кандидатов. Из него исключили бывшего обер-прокурора Синода Александра Самарина как мирянина, а также протопресвитера Николая Любимова, который был женат. Георгий Шавельский, протопресвитер армии и

Фрагмент иконы «Отцы Поместного собора 1917–1918 года»

Заседание
Поместного
собора

флота, сам снял свою кандидатуру. В следующих турах отобрали троих. Архиепископ Антоний (Храповицкий) набрал 159 голосов, митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) — 148, митрополит Тихон (Белавин) — 125. Заседания пришлось прерывать — загремели бои в Москве. Собор пробовал вмешаться в смуту, направлял делегатов для переговоров, объявлял крестный ход, чтобы прекратить кровопролитие. Большевики, понятное дело, не реагировали на подобные усилия. Снаряды тяжелых орудий с Воробьевых гор полетели на купола кремлевских церквей.

18 (5) ноября в Храме Христа Спасителя перед Владимирской иконой Божией Матери, перенесенной из расстрелянного Успенского собора, положили три записки. Старец Зосимовой пустыни Алексей тянул жребий. Избранником стал Тихон.

Собор также принял законопроект о юридическом статусе православной церкви: она «занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение»; «государственные законы, касающиеся Православной церкви, издаются не иначе, как по соглаше-

нию с церковной властью»; «глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и их товарищи должны быть православными».

Утвердили структуры управления по модели Константинопольской патриархии — при патриархе создавались Священный синод и Высший церковный совет. Первый ведал каноническими, богослужебными делами, второй — административными, хозяйственными, просветительскими. На этом первая сессия Собора завершила работу.

Вторая открылась в феврале 1918 года. Она должна была рассмотреть вопросы епархиальной и приходской жизни. Но действительность властно вносила поправки. Как раз накануне по приказу наркома государственного призрения Александры Коллонтай матросы пытались захватить Александро-Невскую лавру, был убит протоиерей Петр Скипетров. Патриарх Тихон предал анафеме безумцев, которые «гонения воздвигли на истину Христову», сеяли семена «ненависти и братоубийственной брани». Собор одобрил этот документ, призвал православных объединяться для защиты святынь. Тут же последовал новый удар: ленинское прави-

тельство опубликовало «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». На благих пожеланиях Собора о правовом положении церкви ставился крест. Провозглашалась свобода совести, запрещались «преимущества и привилегии» каких-либо вероисповеданий. Религиозные общества вообще лишались юридического лица, их имущество признавалось «народным достоянием». Христианское воспитание детей отныне возбранялось.

Собор пробовал протестовать, принял постановление и обращение к православным людям. Отмечал, что под видом свободы совести осуществляется «полное насилие над совестью верующих». Новая власть не обратила внимания на протесты. В разных местах начались захваты храмов. В Киеве был убит почетный председатель Собора митрополит Вениамин (Богоявленский). При царе он числился среди оппозиционных, либеральных иерархов, но в дни революционной вакханалии столкнулся с враждой сепаратистов, жаждавших отделить украинскую церковь, с разгулом монахов, вздумавших устраивать свои советы и коммуны. Те как раз и обрекли митрополита

на смерть, нажаловались на него красногвардейцам.

В Неделю торжества православия Русская церковь по традиции провозглашала анафему еретикам, отступникам, «изменникам Отечеству и престолу». В 1918-м последнее определение из богослужебного чина выпало. Вместо этого Собор проклинал «восстающих на святые храмы и обители, посягающих на церковное достояние, поношающих и убивающих священников Господних и ревнителей веры». А 18 апреля было принято постановление, вводившее в церковный календарь новую дату — «ежегодное молитвенное поминовение... всех усопших в нынешнюю годину гонений исповедников и мучеников».

Патриарх Тихон

Приняв также Приходской устав, вторая сессия Собора завершилась.

Третья открылась 2 июля. Планировали обсудить вопросы о монастырях, механизмах деятельности органов церковного управления. Но кошмарные реалии русской катастрофы опять все ломали. Поступило известие о цареубийстве. При этом революционные настроения на Соборе еще окончательно не утасли, хотя число их сторонников заметно поубавилось. Даже вопрос, служить ли панихиду по убиенному государю, решали голосованием. Из 143 присутствовавших против выска-

зались 28, трое воздержались. Панихиду патриарх Тихон отслужил.

Советская власть, в общем-то, не препятствовала работе Собора. Просто игнорировала его, как пустое место. Случаев вандализма в храмах и монастырях, гибели священников и монахов становилось все больше. Изверги не делали исключений и для видных иерархов церкви. Были убиты епископ Балахнинский Лаврентий (Князев), епископ Семиреченский и Верненский Пимен (Белоликов). Поместный собор опять пробовал заявить о себе. Для расследования убийства архиепископа Пермского Андроника (Никольского) направил комиссию: епископа Черниговского Василия (Богоявленского), архимандрита

Митрополит Арсений (Стадницкий)

Матфея (Померанцева), мирянина Алексея Зверева. Но эта комиссия из Перми не вернулась. Большевики всех зверски умертвили.

В сентябре 1918-го развернулась уже официальная кампания красного террора. Под расстрел попали епископы Ефрем Селенгинский (Кузнецов) и Макарий Вяземский (Гневушев), протоиерей Иоанн Восторгов. Так, среди ужасов и крови, Поместный собор завершил работу. Он заседал больше года, и за это время вся Россия изменилась до неузнаваемости. Правда, и Собор не остался прежним.

Созывался он как вполне революционный орган, овеянный химерами свобод, откровенно нацеливался на либеральные реформы православия. Но поправляя его, надо полагать, Сам Господь. Кто-то из делегатов отпадал, кто-то переосмысливал собственную позицию, начинал смотреть на многое иными глазами. На первый план стало выдвигаться консервативное крыло духовенства. И главная задача Собора кардинально поменялась — не реформы проводить, а православную веру сберечь в чудовищных враждебных бурях.

Воля Господня проявилась и в выборе патриарха. Ведь из трех основных кандидатов святитель

Архиепископ Антоний (Храповицкий)

Тихон набрал наименьшее число голосов. Тем не менее архиепископ Антоний (Храповицкий), лидировавший в списке, впоследствии откровенно признавал: если бы патриархом стал он, то погубил бы церковь. Тихон по характеру был иным. Твердый в принципиальных вопросах, он не вступил в открытый конфликт с безбожной властью. В критической ситуации пошел даже на компромисс: признал правительство большевиков, сознательно жертвовал добрым именем и репутацией. Но церковь сберег.

Философ о философе

Ж.-Л. Давид. «Смерть Сократа». 1787

Логос против хаоса

Ксения Ермишина

Оригинальный мыслитель, один из виднейших интеллектуалов своего времени Сергей Трубецкой появился на свет через полтора года после отмены крепостного права, в детстве застал отголоски старого, барского быта, а ушел из жизни в эпоху великих потрясений первой революции и Русско-японской войны. Философ-идеалист, он в период засилья позитивизма бросил вызов тем, кто ставил превыше всего рассудок, адептам примитивного материалистического мировоззрения. Являлся первым выборным ректором Московского университета, выступал ходатаем за студенчество перед императором Николаем II, был одним из тех, кто вдохновил царя на созыв 1-й Государственной думы.

С. Трубецкой

Домиконна во Труицкай Лавры

ОН РОДИЛСЯ 4 августа 1862-го в поместье Ахтырка, недалеко от Троице-Сергиевой лавры, имя получил в честь преп. Сергия Радонежского. Трубецкие — одна из наиболее именитых фамилий в России, на протяжении нескольких веков ее представители занимали самые высокие посты в государстве. У Николая Петровича и Софьи Алексеевны (урожденной Лопухиной) было десять детей. По соседству проживало многочисленное и шумное семейство родственников матери.

Помимо религиозности, почтения к знатым предкам, обширного круга родных и теплых, дружеских отношений внутри него, пожалуй, еще два фактора определили душевный склад Сергея Трубецкого. Первый связан с демократичным и отеческим подходом к окружающим, прививавшимся в семье. В детстве маленькие князья играли вместе с крестьянскими детьми, а Софья Алексеевна строго следила за тем, чтобы никто не выказывал разницу между собой и вчерашними крепостными. Второй важной составляющей воспитания являлась музыка, постоянно звучащая в доме. Отец Сергея был устройтелем Императорского русского музыкального общества, принимал деятельное участие в создании Мо-

сковской консерватории. В Ахтырке часто гостил Николай Рубинштейн, приезжали туда и другие именитые исполнители. По вечерам в усадьбе устраивались концерты и спектакли.

Музыкальное парение души, свойственное главе семейства, ставшее темой для анекдотов о его феноменальной рассеянности, способствовало тому, что дети в полной мере ощутили красоту и значимость абстрактного мышления. Евгений Трубецкой впоследствии писал: «Брат Сережа и я внесли этот же самый темперамент в философию. У нас эта наклонность — уходить всем существом в одну мысль... тут философия оказалась дочерью музыки».

В подростковые годы Сергей, начитавшись модных тогда материалистов и англо-французских позитивистов, на некоторое время полностью отошел от веры. Этот период быстро закончился — когда Трубецкой приобрел обширные знания и к своему удивлению обнаружил, что, например, материалистические тезисы опровергли еще древнегреческие мыслители, а «последним словом науки» были старые, к тому же несостоятельные идеи. Он стал оценивать мысль не по очередности ее появления в истории, но по глубине и содержательности.

В 1881-м поступил в Московский университет с твердым намерением посвятить жизнь философским исследованиям. Изучив «Историю философии» Куно Фишера, труды Платона, Канта, Спинозы, Гартмана, Шопенгауэра (все это, конечно, в оригинале), а затем и Владимира Соловьева, пришел к оригинальному мировоззрению, в центре которого стоят образы Единства и Логоса, постижение мира с помощью разума и слова.

Тогда, по свидетельству его брата Евгения, все профессора университета поголовно являлись материалистами и позитивистами. Сергей Трубецкой шел иным путем. Служение ближним в духе идеализма в его сознании было неразрывно связано с философией как вершинным творчеством в интеллектуальной сфере. Возможно, он взял на себя непосильную задачу: написал едва ли половину из задуманного, время свое распределял неравномерно — в пользу общественного служения, а не теоретических занятий. Тем не менее считал этот путь единственно верным. При этом полагал: «Самое ценное, что есть в философии, это именно сама философия — высшее, жизненное, идеальное влечение нашего познающего духа к Истине».

Важнейшей его работой стала «Метафизика в Древней Греции»,

ее он защитил в 1890-м в качестве магистерской диссертации. В ней проследил развитие философии, по преимуществу метафизических и идеалистических представлений, составляющих, по его мнению, суть философствования, тогда как позитивизм и рационализм могут использоваться лишь как инструменты исследования. Сергей Николаевич бросил вызов тем гуманитариям, которые безоговорочно приняли позитивизм и в соответствии с его доктринами утверждали, что метафизика и религия — это первая, низшая ступень развития сознания, а наука — вершина эволюции человечества.

Трубецкой же, напротив, счел необходимым поставить на вершину этой иерархии метафизику, для чего обратился к изначальным истокам мысли, к Древней Греции. Показал, как из религии рождается философия, а далее разум постепенно усваивает понятия Абсолютного, вечного, отрешается от натурализма и воспринимает Бога как духовную сущность. Это, в свою очередь, ведет к усложнению мировоззрения, разработке философских категорий, диалектике. Современное ему состояние философии Сергей Николаевич определял как кризис, а выход из него видел в возрождении метафизики на новом концептуальном уровне.

Впоследствии эти идеи будут развивать его ученики, в частности Владимир Эрн и о. Павел Флоренский.

Будучи университетским преподавателем, Трубецкой старался устранить те недостатки, которые отталкивали от занятий его самого в годы студенчества. Он был убежден в том, что университет должен стать автономным учреждением — с избранным, а не назначенным ректором, с программами, разработанными преподавателями, без вмешательства в дела вуза со стороны государства. Выдвинутый им лозунг «Университет для науки, а не для политики»

К. Юон. «Московский университет». 1911

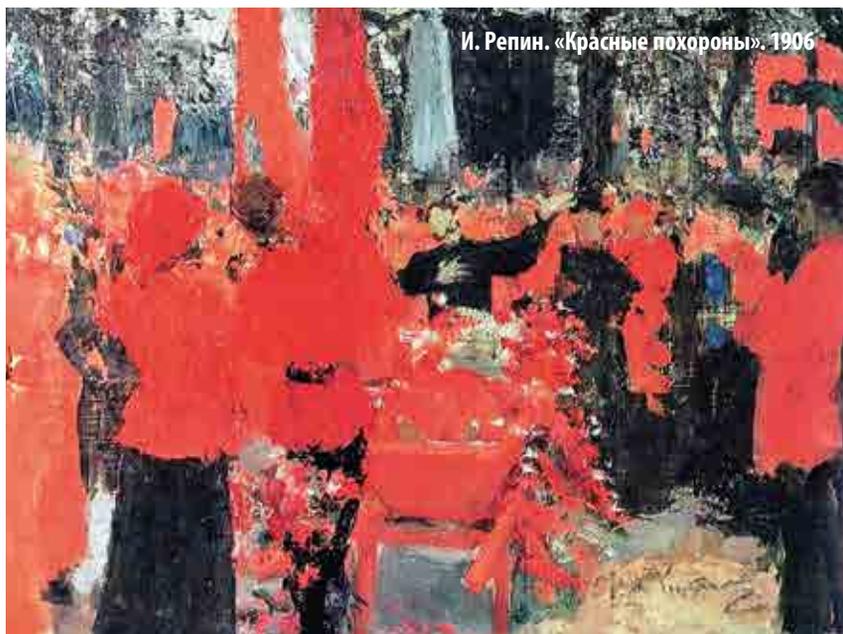
Невозможно мыслить собственную судьбу отдельно от всеобщего самосознания человечества. Только в соборном бытии раскрывается полный смысл жизни

в то время считался оригинальным и потенциально полезным, поскольку студенчество оказалось заражено революционной идеологией, альма-матер же, по сути, превратилась в рассадник бунтарских настроений. Трубецкой стремился возродить нормальную учебную жизнь, выступил инициатором создания секции общественных наук, а также философской, исторической, историко-литературной секций. В 1903-м организовал студенческую экскурсию в Грецию: 139 человек посетили Стамбул, Афины, Дельфы, Олимпию, Микены и другие знаковые места. Искреннее попечение о студентах, широта и открытость сделали его, возможно, самым популярным среди преподавателей университета.

В защищенной им докторской диссертации «Учение о Логосе в его истории» во главу угла ставится

вопрос: «Имеет ли какой-нибудь разумный смысл человеческая жизнь, и если да, то в чем он заключается?.. Имеет ли, наконец, разумную цель весь мировой процесс, имеет ли смысл существование вообще?» Важнейшей частью этой работы явились тезисы о сущности Логоса, понятия, усвоенного христианством. Связь и преемственность между древнегреческой философией и христианским богословием указывают путь для поиска смысла жизни. Исходный посыл греков говорит о понимании разума как чего-то божественного. Потом это представление разрастается до масштабов универсальных — Логос управляет миром, что отразилось в трудах Платона, Аристотеля, стоиков, неоплатоников. Между этими — отчасти крайними, полярными — учениями находится сократическая философия. Сократ призывал обращаться к истокам самосознания: «Познай самого себя», то есть свое божественное и разумное начало. Сын Сергея Николаевича Николай Сергеевич, выдающийся филолог, основатель евразийства, эту максиму Сократа избрал главным девизом и дополнил ее утверждением: «И будь самим собой».

Сергей Трубецкой показал, как после расцвета философской мысли наступило время эклектики и упадка, что выразилось во всеоб-

И. Репин. «Красные похороны». 1906

щем скептицизме, отрицании самой возможности познания. Выход из тупика ему виделся через мистическое, религиозное озарение, через христианский Логос. Тот становится для человека личным, воплощенным Богом, а абстракция преодолевается живым метафизическим мироощущением. Философия в изложении Трубецкого предстает универсальной наукой, в ней отражается синтез этических и практических элементов той или иной эпохи.

В других трудах он писал о том, что невозможно мыслить собственную, индивидуальную судьбу отдельно от всеобщего самосознания человечества. Только в соборном бытии раскрывается полный смысл жизни. Философы Нового времени абсолютизировали отдельную личность, игнорировали родовое и общественное, и это привело к распространению субъективизма. Ученый указывал: «Представьте себе человека, мгновенно утратившего все то, что он приобрел от общения с другими людьми, и он превратится в беспомощного, помешанного... который умрет через несколько часов, как брошенный новорожденный ребенок». Символом высшей соборности для него выступала Церковь.

По Трубецкому, концепция всеобщего сознания как фундамента

способна преодолеть все тупики философии, тяготеющей к скептицизму, солипсизму и пессимизму. Сознание эмпирично (принадлежит материальному миру) и вместе с тем идеально — дуалистично. Истинная философия примиряет оба начала, а ложная абсолютизирует одно из них. Взаимоотношения индивида и общества похожи на взаимодействие частей организма. Даже герои и сильные личности, влияющие на мировую историю, возвышаются за счет того, что воплощают в себе коллективный образ надежд и общих черт эпохи.

Говоря о соборности, Трубецкий не отрицал роли свободы. Наоборот, огромная внутренняя свобода — продукт культуры, унаследованной от предков, соединявшей в себе высокие понятия о чести, долге, благородстве, — определяла все его мысли и действия. В одной из работ он показывал, как в христианскую эру рождалась вера в личное бессмертие, утверждающая великую значимость каждого индивидуума. В смутный период первой русской революции Сергей Николаевич вопреки всему отстаивал именно это — высшие ценности личности и свободы.

В 1904-м в университете прокатилась волна студенческих забастовок и беспорядков, вследствие чего были прекращены занятия. В нача-

ле 1905-го Трубецкой опубликовал статью «Быть или не быть университету», в которой предлагал автономии как единственный выход из создавшегося положения.

Несколько позже, оказавшись в делегации земских работников, он был принят царем и изложил ему свои идеи, в том числе о необходимости созыва народных избранников. Говорил с монархом искренне, увлеченно, едва ли не отеческим тоном. Николай II выслушал внимательно и сочувственно, долго тряс его руку. Расспросил о положении университета и тоже согласился с необходимостью дарования ему автономии. 15 сентября 1905 года состоялись выборы ректора — преподавательским составом. За Трубецкого проголосовало большинство, таким образом, он стал первым избранным руководителем старейшего вуза страны.

В новой должности пробыл недолго, всего 27 дней. Силы его были на исходе. Противостоял, как мог, разрушительной вольнице, захватившей умы молодежи, выступал на студенческих сходках, добивался разрешения собираться студентам вне стен университета, дабы отвлечь активных бунтарей и наладить нормальную учебную деятельность. В кабинете министра просвещения Владимира Глазова, куда он явился с пачкой прошений от учащихся, мыслителю стало плохо. Через несколько часов Сергей Николаевич скончался от инсульта...

Ему были свойственны здоровый, несовместимый с революционными потрясениями либерализм и традиционная русская религиозность, почитание морально-нравственных устоев и стремление к социальному прогрессу. Он лучше других понимал необходимость эволюционных преобразований в обществе. По словам философа Евгения Трубецкого, его старший брат жил и умер как Гражданин, в борьбе против революционной стихии, за свободу, достоинство и разум.

Своя земля

Пропавшие письма

Дмитрий Тихонов

Первые представители этого швейцарско-прибалтийского рода появились в России в начале XVII века. В дальнейшем благородное семейство подарило нашей стране немало выдающихся военных, ученых, политических и общественных деятелей. Один из наиболее ярких его представителей — Александр Энгельгардт, известный профессор-химик, талантливый агроном, блестящий публицист.

ОН РОДИЛСЯ 2 августа 1832 года в имении Климово Духовщинского уезда Смоленской губернии, в семье крупного помещика, отставного офицера. Будущий ученый получил хорошее домашнее образование. По семейной традиции избрал военную карьеру — поступил сначала в Михайловское артиллерийское училище, затем посещал специальные курсы, где не за страх, а за совесть изучал математику, механику, физику и химию.

Будучи 21 года от роду, начал работать литейщиком на столичном «Арсенале», как военно-технический специалист занимался изготовлением орудий. Вскоре стал начальником мастерской, а после — правителем дел Комиссии артиллерийского ученого комитета. Побы-

вав в Германии на заводах Круппа, Александр Николаевич приступил к исследованию физико-химических свойств стали и медных сплавов. Впоследствии он использует эти знания на практике, для нужд отечественной артиллерии.

Тогда же Энгельгардт серьезно увлекся химией, познакомился с Дмитрием Менделеевым. В 1857-м на деньги от отцовского наследства основал первую в России частную химическую лабораторию, которую через два года передал Петербургскому университету. Позже начал издавать «Химический журнал», где публиковали свои труды уже известные на весь мир ученые Николай Бекетов, Александр Бутлеров, тот же Менделеев.

В 1860 году женился на удивительной женщине — Анне Макаровой, дочери гитариста и лексикографа Н.П. Макарова, автора знаменитых в ту пору французских и немецких словарей. Анна Николаевна была не только красавицей, но и талантливой переводчицей, а вместе с тем — литератором. Вскоре в семье появилось двое сыновей — Михаил и Николай. В будущем они тоже станут известными писателями, мастерами художественного перевода. Старший, Михаил, напишет девять книг для «Биографической библиотеки Флорентия Павленкова», переведет на русский язык сочинения Джона Локка, Редьярда Киплинга, Огюста Фореля, Гюстава Флобера, Филиппо Томмазо Маринетти. Николай — автор множества исторических романов и повестей.

В 1864-м Александра Энгельгардта пригласили на должность профессора химии в Санкт-Петербургский земледельческий институт. Руководство вуза высоко оценило таланты молодого ученого, которому было тогда всего 32 года. Там он стал разрабатывать идеи использования химии и органики в сельском хозяйстве, написал научные труды «Применение костяного удобрения в России» и

«Химические основы земледелия». В Земледельческом институте он не только читал блестящие лекции по своему предмету, но и организовал образцовую лабораторию. В ней проходили первые заседания Русского химического общества, созданного при активном участии Энгельгардта.

Во многом переломным, чтобы не сказать роковым, стал 1870 год, когда Александр Николаевич получил за свои исследования Ломоносовскую премию и степень доктора химии, а также должность декана химического факультета. Новое назначение сыграло «двойную» роль в жизни и карьере выдающегося исследователя. В молодости он, как и многие интеллектуалы того времени, был весьма акти-

вен в общественно-политической жизни, участвовал в студенческих сходках и даже раздавал прокламации «Земли и воли». Поэтому числился в III отделении в списках неблагонадежных. Став же деканом, Энгельгардт должен был следить за умонастроениями студентов, зачастую обсуждавших на своих вечерах запрещенную литературу и острейшие политические вопросы. Он этому не препятствовал, вследствие чего в декабре 1870-го был арестован и провел в Петропавловской крепости почти два месяца. Его обвиняли в «беспорядках и противозаконных сходках и сборищах».

В 1871-м Александра Николаевича отправили в бессрочную ссылку — под надзор полиции, без права преподавания и проживания в университетских городах. Это наказание он отбывал в своем имении Батищево в Смоленской губернии, где провел оставшиеся 22 года жизни.

Именно там родились знаменитые «Письма из деревни» Энгельгардта. На них до сих пор часто ссылаются литераторы, ученые и политики. Владимир Ульянов-Ленин неоднократно обращался к этим историческим документам как к ценному источнику в деле изучения российской деревни 70–80-х годов XIX века. В одной из статей Ленин отметил: «Отчего не доверять наблюдениям, которые целые 11 лет собирал человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, о чем говорит». Позже «Письма...» стали использоваться для доказательства «грабительского характера крестьянской реформы», отменившей крепостное право.

Двенадцать «Писем из деревни» появились в 1872–1887 годах, то есть тогда, когда реформа уже была, по сути, свернута стараниями (или, наоборот, бездействием) многочисленной российской бюрократии. Для нее эти преобра-

зования оказались невыгодными, поскольку чиновничество пополнилось далеко не самыми успешными по части ведения собственной хозяйственной деятельности дворянами и помещиками.

Однако существуют и другие письма Энгельгардта. Они носят несколько укороченное название — «Из деревни» — и датированы 1863 годом. В них автор подробно описал не упадок, а предшествовавший тому подъем в сельском хозяйстве, характерный для первых лет проведения реформы — когда крестьянство, наделенное землей, поверило в свои силы и благородные намерения царя-освободителя.

Лето 1863-го Александр Николаевич провел в Бельском уезде Смоленской губернии, у родных. Перемены в жизни деревни настолько его поразили, что в том же году он под псевдонимом «А. Буглима» отправил четыре послания в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей». Позже, в 1897-м, они вошли в качестве приложения в третье издание «Писем из деревни» и больше никогда не публиковались.

В советский период об их существовании постарались забыть, так как они противоречили устоявшейся ленинской точке зрения на события 1861 года, став, по сути, единственным свидетельством эффективности начального этапа правительственных реформ. Вот наиболее содержательные фрагменты.

«Мне еще в Петербурге говорили, что провинция в последнее время очень изменилась, но, признаюсь, я не ожидал такой резкой перемены, — я не ожидал, чтобы так быстро, в какие-нибудь два года, все так радикально изменилось к лучшему. Этой перемены нельзя не заметить, нельзя не видеть; слепой, если не увидит, то услышит, почувствует ее; она чувствуется в воздухе, слышится в голосе каждого человека...»

В деревнях у крестьян всюду идет постройка — точно после пожара. Новые избы большей частью уже не такие, как были прежде, не курные, без печей, с дырами вместо окон, а чистые и светлые. Местами даже встречаются светлицы с несколькими окнами, с вычурными украшениями на крышах и окнах, с большими хорошо крытыми дворами и прочными хозяйственными постройками. В одной деревне меня особенно поразила новая постройка, каких прежде не видывано было в нашей местности, каких и теперь еще встречается мало. Спрашиваю, кто строит. Говорят, мужик-богач. Дворник ближайшего постоянного двора, где я кормил лошадей, рассказал мне, что этот мужик-богач прежде считался бедняком, жил в курной избе, ходил оборвышем, так что из шапки волоса лезли, как выразился дворник, а теперь оказался капитал, строит хороший двор, заводит лавочку. И таких богачей, говорил дворник, у нас в волости уже оказалось несколько. Теперь мужики не боятся выказывать деньги, а прежде прятали и притворялись бедняками да как притворялись: ходили в лаптях, ели пушной хлеб. Независимо от построек, возводимых такими богачами и денежными дворовыми людьми, поселяющимися в деревнях, все другие крестьяне тоже обстраиваются: тот амбар ставит, тот двор кроет, тот делает печь и трубу.

На крестьянских наделах тоже кипит работа: мелколесье, кусты, амшары, болота — все разрабатывается, точно пришли новые поселенцы... Крестьяне деятельно разрабатывают свои наделы, и я думаю, через несколько лет на крестьянских наделах все будут только поля и лужки...

Несмотря на то, что прошло только два года с 19 февраля (1861 года. — «Свой»), крестьяне поправились настолько, что не едят уже пушного хлеба, имеют сапоги, ремennую упряжь на лошадях...

Сколько я мог заметить, нынче хлеб на полях далеко лучше, чем бывал в старые годы, и урожай гораздо равномернее: нет такой большой разницы между помещичьими и крестьянскими хлебами; местами даже у крестьян хлеба лучше помещичьих...

Русский лапоть тоже, кажется, уничтожается и скоро, может быть, останется только на письменном столе того русского богача, любителя всего русского, который сделал для своего письменного стола золотой лапоть в виде пресс-папье.

Сапожное ремесло теперь одно из самых прибыльных в деревне. Деревенские сапожники везде мне говорили, что они постоянно завалены работой — мужицкие сапоги все делают. Прежде, бывало, у нас увидеть мужика в сапогах — была редкость; только бурмистры и старосты ходили в сапогах. А теперь, посмотрите-ка, все в сапогах щеголяют, правда еще только по праздникам, но и то достаточно. Впрочем, и по будням я очень многих видал в сапогах, особенно тех, которые приходили по делам к посреднику; даже работников в ненастные дни на работе видел в сапогах, а пастух наш так постоянно ходит в сапогах. Пастух в сапогах — что за перемена!..»

Если, несмотря на большие расходы, быт крестьян видимо улучшился, то причиной улучшения стало то, что крестьянин теперь сделан свободен в известной степени и независим относительно земли...»

Всякая медаль имеет обратную сторону. Улучшение быта крестьян в первые годы реформы нередко сопровождалось деградацией крупных помещичьих хозяйств, и об этом Энгельгардт в 1860-е тоже писал. Из приведенных отрывков можно сделать, пожалуй, лишь один беспорный вывод: «Письма...» заслуживают куда большего внимания, нежели то, которое им уделялось в России прежде.

С нами Бог и Андреевский флаг

Как определяется жизненный путь? Иногда будто бы случайно: под влиянием наугад выбранных, а затем жадно прочитанных книг. Или по примеру родных. В большом семействе мелкого помещика из Вяземского уезда секунд-майора Степана Нахимова было 11 детей. Из них пятеро — мальчики, и все стали моряками. Впрочем, на выбор родителей весьма скромного достатка наверняка повлияло прозаическое обстоятельство: в Морском кадетском корпусе сыновей офицеров содержали на казенный кошт.

Памятник адмиралу Нахимову в Санкт-Петербурге

Валерий Шамбаров

ОН БЫЛ седьмым ребенком в семье. Когда ему исполнилось одиннадцать, подростка попытались пристроить туда же, где набирались ума-разума старшие братья. Однако с ходу попасть в морские кадеты не вышло: как раз ввиду полного обеспечения мест в корпусе на всех желающих не хватало. Приняли Павла лишь через два года, в 1815-м. Это было старейшее учебное заведение России да и, пожалуй, лучшее на тот период. Возглавлял его адмирал Петр Карцов, настоящий морской волк, участвовавший в Чесменском сражении, а во время войны со шведами — во всех боях на Балтике. В битвах с французами командовал отрядом кораблей под общим руководством Федора Ушакова. Воспитанникам было с кого брать пример, Карцов стал для них отцом родным, подбирал отличных педагогов.

Об уровне образования говорит хотя бы то, что вместе с Нахимовым сидел на занятиях и ходил в учебные плавания будущий знаменитый ученый и писатель Владимир Даль. После недолгого пребывания на флоте он взялся изучать медицину, а Павла Степановича навек пленило море. Немаловажную роль сыграло и такое обстоятельство: вчерашний кадет Нахимов попал под начало еще одного выдающегося моряка, Михаила Лазарева. Тот пока был лейтенантом, но уже совершил кругосветное плавание, командовал фрегатом «Суворов», обнаружил в Тихом океане острова, назвав их именем непобедимого генералиссимуса.

Неизвестно, почему Нахимов не поучаствовал в следующей экспедиции Лазарева, которую последний возглавил вместе с Иваном Крузенштерном, — тогда наши моряки открыли Антарктиду. Возможно, его, мичмана, сочли слишком молодым и неопытным. Но впоследствии судьба прочно связала Павла Степановича с Михаилом Петровичем. В те годы обострилась обстановка у берегов Русской Америки (Аляска, Алеутские острова), не на шутку разгулялись английские и американские контрабандисты. Единственный военный корабль «Аполлон», дежуривший в том районе, не справлялся. В 1822-м царь послал к далеким русским владениям фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога». Во главе отряда оказался

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЕТРОСЯН/ТАСС

Эполеты и орден Св. Георгия П. Нахимова и Андреевский флаг корабля «Императрица Мария»

А. Кившенко. «Палуба линейного корабля «Императрица Мария» во время боя при Синопе». 1853

Лазарев, в команде «Крейсера» состоял и Нахимов.

Плавание было тяжелейшим, несколько раз на суда обрушивались страшные ураганы. И все же пункта назначения они достигли. В течение года фрегат патрулировал воды Русской Америки. На обратной дороге опять пришлось пробиваться сквозь бури. Обогнув земной шар, «Крейсер» в 1825-м прибыл в Кронштадт. Лазарева за этот поход произвели в капитаны первого ранга, Нахимова — в лейтенанты.

Командир уже отметил незаурядные качества молодого офицера. Когда Лазареву дали новое назначение — принять строившийся в Архангельске один из лучших русских кораблей, 74-пушечный «Азов», — экипаж он подбирал лично. Взял Нахимова. А кроме него — еще двух будущих флотоводцев, героев Севастополя, мичмана Владимира Корнилова и гардемарина Владимира Истомина.

Едва корабль спустили на воду, ему сразу же нашлось применение. В Греции полыхала освободительная война. Турки подавляли выступления повстанцев с дикой жестокостью, истребляя мирное население. Император Николай I вмешался. По его инициативе

в Лондоне Россия, Англия и Франция подписали конвенцию, требуя прекратить резню и предоставить грекам автономию. В Средиземное море были направлены миротворческие флотилии трех держав. В состав русской эскадры под командованием Логина Гейдена вошел и «Азов».

Султан Махмуд II отверг международные требования. У берегов Греции находился многочисленный турецко-египетский флот. При появлении миротворцев тот отошел в Наваринскую бухту, где чувствовал себя в полной безопасности. Морские силы турок превосходили союзнические почти вдвое, к тому же их прикрывали береговые батареи. С судов по-прежнему высаживались османские войска, жгли греческие села.

Лондонская конвенция не предусматривала боевых действий, Англия и Франция уклонились (что и подогрело неуступчивость султана). Россия же добилась лишь принятия обтекаемого пункта: если турки откажутся от предъявленных условий, то эскадры трех стран объединятся для достижения перемирия.

Общее командование взял на себя английский вице-адмирал Эд-

вард Кодрингтон. Он считал, что нахождением в зоне конфликта и пресечением дальнейших военных перевозок задачи союзников исчерпываются. Русские настаивали на буквальном выполнении соглашений: необходимо принудить османов к перемирию, если нужно, то и с помощью оружия. Кодрингтон согласился только на демонстрацию силы — войти в Наваринскую бухту и повторить требования. 20 октября 1827 года первой двинулась к туркам англо-французская колонна. Но два британских парламентаря, высланных на шлюпках, один за другим были убиты ружейным огнем. С египетского корвета ударили пушки по французам. Вот тут уж открылась канонада с обеих сторон.

В бухту тем временем входила колонна из девяти русских кораблей, ведомая «Азовом». Не задерживаясь, проскочили под раскатами береговых батарей. Приблизились к противнику, как учил Ушаков, на pistolетный выстрел, встали на якоря. И грохнули залпы. «Азов» дрался против пяти вражеских кораблей. Потопил три фрегата и корвет. Помог английскому флагманскому судну — с тем схватился турецкий 84-пушечный флагман, неосторожно повернувшийся к русским кормой. Орудия Лазарева разнесли ее, вызвали пожар. Неприятельский корабль взорвался. «Азов» тоже не избежал вражеских попаданий (всего таковых насчитывалось более полутора сотен), у него оказались сбиты все мачты. Но сражение завершилось уничтожением турецкого флота. Лазарев был произведен в контр-адмиралы. Нахимов, командовавший у него батареями, — в капитан-лейтенанты, стал георгиевским кавалером. А «Азов» — первым русским кораблем, награжденным Георгиевским флагом.

В Англии, получив донесение о победе, схватились за головы. Однако взбешенный султан объявил войну только России. Нахимов

В. Маковский. «Смерть адмирала Нахимова». 1872

вскоре сам принял под начало корабль — захваченный у турок корвет «Нассабах Сабах», который переименовали в «Наварин». Царская армия громила врага на Кавказе и Дунае, прорвалась за Балканы, выходила на подступы к Стамбулу. При этом русская эскадра, включая корвет Нахимова, блокировала Дарданеллы, перекрыла дороги в османскую столицу, не позволяя подвозить подкрепления. Турки взмолились о мире. Результатом явилось освобождение Греции, Сербии, Валахии, Молдавии. Российская империя присоединила черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти.

После этой победы Лазарева назначили командовать Черноморским флотом. Туда перевелся и Нахимов, став капитаном строившегося в Николаеве линейного корабля «Силистрия». Сильнейшая боевая единица с 84 орудиями на борту была спущена на воду в 1836-м и без дела не простаивала. Продолжалась трудная война на Кавказе. Главная причина, по которой не удавалось ее завершить, — поддержка горцев турками и англичанами. Те слали деньги, инструкторов, завозили оружие.

Чтобы пресечь эту связь, наметили прикрыть берег, недавно отошедший к России. Флот высаживал десанты. Строились

укрепления: Новороссийское, Новотроицкое, Михайловское, Вельяминовское (Туапсе), Лазаревское, Головинское, Навагинское (Сочи), Св. Духа. Сейчас это популярные места отдыха, но тогда едва населенные пункты были отнюдь не курортами. Насколько опасными являлись те военно-тактические операции, говорит красноречивый факт: именно на судне Нахимова родился знаменитый романс «Не для меня». Он появился в журнале «Библиотека для чтения» с подписью: «На корабле «Силистрия». 1838 г. А. Молчанов». Автор — офицер, участвовавший в экспедиции, а изначальный текст звучал так:

*Не для меня придет весна,
Я поплыву к брегам абхазским,
Сражусь с народом*

*закавказским,
Давно там пуля ждет меня...*

Берег был болотистым, с густыми зарослями. Десанты под градом пуль возводили форты. Корабли прикрывали их огнем орудий. Маленькие укрепления простреливались с гор. Связь с Россией поддерживалась только по морю.

Целый склад оружия захватили возле Новороссийска. Задержали английский корабль «Виксен», нагруженный винтовками, несколько шхун. Шамиль и его подручные старались расчистить путь снабжения, в 1840-м организовали мас-

сированные набеги. В результате погибли гарнизоны пяти фортов. И опять приходили туда наши эскадры, высаживали десанты, заново строившие укрепления. Солдаты постепенно вырубали лес, брали побережье под контроль.

Нахимов водил в эти походы «Силистрию», потом — бригаду кораблей. Семьи у него не было, как и всего того, что называют личной жизнью. Жизнь он без остатка отдал морю и флоту, а его семьей стали матросы и офицеры. В 1851-м умер Лазарев. В Севастополе в это время начали строить Владимирский собор, где решили соорудить специальный склеп и похоронить в нем адмирала.

Между тем вокруг нашей страны плелся международный заговор. Англия заключила тайный союз с Францией. Замышляли общими усилиями сокрушить Россию, отдать Украину и Белоруссию Польше, Крым и Закавказье — Турции, на Северном Кавказе создать халифат Шамиля. Спровоцировать военный конфликт подстрекнули турок. Осенью 1853-го они без объявления войны напали на форт св. Николая на побережье Черного моря, вырезали 400 солдат, вторглись в Закавказье.

Русские предполагали, что неприятель станет морем перебрасывать туда новые войска, и вице-адмирал Нахимов вывел эскадру на поиск противника. В Синопе обнаружил основные силы османского флота. Наши корабли превосходили их вооружением, но турки засели в укрепленной бухте под защитой береговых батарей. Нахимов решил атаковать прямо в гавани, и 30 ноября разыгралось сражение, добавившее еще одну яркую страницу в летописи русской славы. Флот врага был истреблен почти полностью.

Хотя именно эта победа послужила для англичан и французозов поводом объявить войну и стать на защиту якобы несчастной Турции. Присоединились к неприятельской

коалиции Сардинское королевство, бригады немецких и швейцарских добровольцев. Открыто бряцала оружием Австрия. То был крестовый поход всего Запада на Россию. На Дунае объединенного супостата ждал отпор. Тогда он предпринял хитрый маневр: пользуясь преимуществом на море, быстро перебросил свои армии в Крым, где наших войск было мало. Двойной перевес позволил прорвать русские позиции на Альме. Враги двинулись к главной базе флота, Севастополю.

К обороне с суши город никогда не готовился, но поднялись на борьбу моряки. Затопили старые корабли, закупорив вход на рейд, начали строить батареи и редуты. Первый натиск отразили, дождались подкрепления. Бои приняли позиционный, но ничуть не менее жестокий характер. Когда погиб организатор обороны вице-адмирал Корнилов, его место занял Нахимов. Он стал душой защитников Севастополя, личным примером вдохновлял солдат и матросов. Неприятели завязли, истекли кровью на этих бастионах. О грандиозных проектах свалить и расчленив Россию им пришлось забыть.

До конца войны Павел Степанович не дожил. Он погиб, как и его ближайшие соратники Корнилов и Истомин, на Малаховом кургане. И похоронили их вместе — в склепе на тот момент еще недостроенного Владимирского собора, где упокоился учитель героев Лазарев. Оказались рядом, плечом к плечу, как в общей для всех Наваринской битве. Уходила в прошлое романтика парусного флота, и покинула сей мир целая плеяда русских моряков, его прославивших.

Захоронение оскверняли дважды. Когда англичане и французы сумели занять южную часть Севастополя, они проломали крышки гробов и украли золотые адмиральские эполеты. А в 1931-м уже доморощенные богохульники, взломав усыпальницу, уничтожили останки. Слава и почести вернулись поз-

И. Айвазовский. «Синопский бой». 1853

«Свой» не однажды обращал внимание на то, как невероятно тесен бывает огромный, необъятный Русский мир, как причудливо переплетаются порой судьбы, биографии самых выдающихся его представителей. В этом плане дружеские отношения прославленного адмирала и величайшего художника-мариниста — факт, скорее, закономерный, само собой

разумеющийся. Они познакомились в конце 1830-х в Крыму на крупных военно-морских маневрах, с тех пор виделись и общались неоднократно. Уже во время Крымской войны Иван Айвазовский организовал с благотворительными целями показ собственных полотен в Севастополе. Один из защитников города мичман Иванов в своем письме по этому поводу сообщал:

«Сегодня второй день, как Айвазовский открыл выставку... Первая картина представляет начало (Синопского) сражения днем. Некоторые суда неприятельские только начали гореть, другие выброшены и, наконец, один фрегат взорван. «Картина чрезвычайно верно сделана», — это сказал Нахимов — герой Синопа...» 29 июля со дня рождения Ивана Константиновича Айвазовского исполнится 200 лет.

же, в годы Великой Отечественной. Руководители страны вспомнили оборону Севастополя, учредили орден и медаль Нахимова, стали создавать нахимовские училища. Почти сразу после войны выпустили фильм «Адмирал Нахимов», позже

воздвигли памятник в Севастополе. Но лишь в 1991-м обследовали склеп четырех адмиралов, собрали среди мусора обломки костей, которые торжественно перезахоронили.

Как говорят в подобных случаях русские люди: вечная память.

Полководцы

В. Сибирский. Диорама «Штурм Берлина»

«Звание маршала — заслужил»

Валентин Буров

Как полководец он находился преимущественно в тени великих военачальников — Георгия Жукова, Константина Рокоссовского, Александра Василевского, Ивана Конева. Не потому, что был менее талантливым стратегом — просто так распорядилась судьба. Тем не менее, Василий Соколовский, со дня рождения которого 21 июля исполняется 120 лет, оставил весьма заметный след в военной истории страны и в летописи Великой Отечественной.

ВАСИЛИЙ Данилович был не по рангу скромным человеком, едва ли не единственным среди высшего генералитета, кто звонил по служебному телефону и представлялся. Другие полагали и, возможно, небезосновательно, что подчиненные обязаны узнавать их по неповторимому командному голосу.

Он принципиально не хотел выпячивать ни самого себя, ни своих заслуг. Наверное, потому и не оставил мемуаров — опасался слов, кои могли, будучи неверно истолкованы, ненароком обидеть боевых товарищей.

Люди, окружавшие Соколовского, отлично знали, на что он способен, и высоких оценок, данных этому человеку, не счесть. В частности, Жуков, с которым они были знакомы долгие годы, вместе служили и в военные, и в мирные времена, говорил о нем так: «Имеет хорошее общее и политическое образование. Обладает большой силой воли и твердостью характера, смелый и энергичный, решительный и инициативный, постоянно требовательный к себе и

подчиненным. Быстро и правильно ориентируется в боевой обстановке и принимает решение».

Накануне войны они тоже сотрудничали: Георгий Константинович возглавлял Генеральный штаб Красной армии, Соколовский был у него заместителем. С началом Великой Отечественной тандем на некоторое время распался, но затем судьба сводила их вновь и вновь.

Отношения были не только служебными, полководцы симпатизировали друг другу. Однако трудно назвать общение этих людей дружески неформальным — слишком разными они были по нраву, отличались характерами, амбициями, взглядами на жизнь и на военное поприще. Жуков — жесткий, взрывной, чрезвычайно требовательный и, как сказали бы в наши дни, brutальный. Соколовский — сдержанный, рассудительный, интеллигентный. А посему случались меж ними и несогласие, и ссоры.

По воспоминаниям сослуживцев по отношению к подчиненным у Жукова преобладала манера в большей степени повелевать, чем руководить. В тяжелые минуты подчиненный не мог рассчитывать на поддержку с его стороны — на поддержку товарища, начальника, теплым словом, дружеским советом. К этому уже привыкли и старались в случае необходимости обращаться к начальнику штаба фронта Соколовскому. Вряд ли это противопоставление можно считать абсолютно корректным,

однако оно необходимо в качестве дополнительного штриха к портрету.

На первую ступень карьерной лестницы двадцатилетний Василий, уроженец деревни Козлики Гродненской губернии, шагнул в 1918-м, когда после военно-инструкторских курсов был назначен командиром роты. Спустя три года окончил Военную академию РККА. Стало быть, уже в молодом возрасте овладел немалыми теоретическими знаниями. Потом пришел черед многолетней практической работы. Темпы продвижения будущего маршала по службе впечатляют и, конечно, свидетельствуют о его незаурядных возможностях. К тридцати годам он уже являлся начальником штаба корпуса.

Василий Данилович не был чисто кабинетным стратегом, проводившим все время за оперативными картами и составлением докладов высокому начальству. Немало понюхал пороха в 30-е в Туркестане, командуя группой войск Ферганской и Самаркандской областей. То было горячее во всех смыслах время борьбы с басмачами. В одном из боев Соколовского настигла вражеская пуля, но он остался в строю.

За успешное руководство войсками удостоился ордена Красного Знамени. Всего же высоких боевых знаков отличия у него за всю жизнь набралось без малого два десятка. Самая главная награда — звезда Героя Советского Союза.

ПОЛКОВОДЦЫ

...Осень 1941 года. Страшные, трагические дни. Гитлеровцы безудержно наступают. Передовые части вермахта приближаются к Москве. В октябре командующим Западным фронтом назначается Жуков. Его заместителем становится, разумеется (Георгий Константинович просил об этом Сталина), Соколовский. Ситуацию, казавшуюся безнадежной, удалось перевести в разряд «просто тяжелых». Враг, стоявший у ворот столицы, был отброшен на дальние рубежи...

В ходе обороны Москвы случился эксцесс, который мог закончиться гибелью военачальника. 2 декабря в дом, где располагался со своими подчиненными Василий Данилович, вбежал взволнованный адъютант: «Товарищ генерал, нас атакует большая группировка немцев!» Начштаба ничем не выдал своего волнения. Лишь спросил: «Много?» — «Около полка. Наши охранные подразделения уже вступили в бой».

Соколовский по телефону обменялся несколькими фразами с Жуковым, после чего лаконично объявил: «Штабу продолжать работу. Всем свободным офицерам принять участие в обороне». И снова, как будто ничего не произошло, склонился над картой, испещренной красными стрелками. Что же касается немецкой атаки, ее, как нетрудно догадаться, удалось отбить.

Пожалуй, самой удачной операцией, подготовленной Василием Даниловичем, стало Ржевско-Вяземское наступление, предпринятое в марте 1943 года. Красная армия ликвидировала плацдарм противника, клином вытянувшийся в сторону Москвы. До столицы — всего полторы сотни километров. Неприятель был вынужден отступить, оставив Ржев, Гжатск, Вязьму.

Увы, пути любых полководцев, какими бы знаниями, талантом, опытом они ни обладали, не бывают сплошь усыпаны цветами побед. В период с октября 1943-го

Советские артиллеристы готовятся к штурму Рейхстага. 1945

Берлин. Май 1945 года.
Танк ИС-2 у Бранденбургских ворот

по апрель 1944-го деятельность Соколовского на посту начальника штаба Западного фронта не ознаменовалась яркими успехами. А вот потери, понесенные нашими войсками, были велики. Специальная комиссия Государственного комитета обороны пришла к выводу: вина за неудачи лежит на начштаба. И от занимаемой должности его освободила.

Сам Василий Данилович считал, что с ним поступили несправедливо. Да и Сталин вскоре понял, что это так, но сей факт открыто признал лишь после Великой Отечественной. «Решение по Западному фронту было тогда принято

неправильное, — сказал он в 1946 году. — Надо исправить ошибку. Соколовский заслужил звание маршала».

Жуков также был убежден, что коллегу наказали напрасно. Георгий Константинович не сомневался в огромном потенциале своего боевого товарища и весной 1944-го рекомендовал его на должность начальника штаба 1-го Украинского фронта, который сам же и возглавил после того, как был смертельно ранен прежний командующий Николай Ватутин.

Жуков снова не ошибся. Как стратег Соколовский отличился при подготовке Львовско-Сан-

ФОТО: ХАЛДЕЙ ЕВГЕНИЙ/ТАСС

Г. Жуков и В. Соколовский на церемонии подписания Акта о капитуляции Германии в Карлсборге

домирской и Висло-Одерской операций. Великую Отечественную завершил в должности заместителя командующего 1-м Белорусским фронтом, чьи войска принимали непосредственное участие в штурме и захвате Берлина. Генерал запечатлен на историческом снимке во время подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

«Много положительного было в работе... особенно это касалось разработки планов операций, — так оценивал роль Соколовского Маршал Советского Союза Василевский. — Он успешно справлялся с обязанностями как начальника штаба, так и командующего войсками фронта. Однако наиболее ярко проявил себя на штабной работе в качестве начальника штаба фронта, а после войны — начальника Генерального штаба».

Жизнь удалась? Безусловно. Но не следует думать, что в судьбе этого человека не было места для разочарований и тревог, помимо случая с лишением командного поста.

В 1937 году Соколовского пытались обвинить в том, что он скрыл свою службу в царской армии, а затем был завербован польской разведкой. Понятно, это оказалось результатом навета. Многим военным тогда приписывали шпионаж. Вопрос состоял лишь в том, какой ярлык — германский, японский, английский — приклеят сотрудники ежовского НКВД. Василий Данилович был в шаге от пропасти. Но не рухнул в нее — благодаря сохранившемуся документу, обеспечившему железное алиби. Затем отпало и подозрение в шпионской деятельности...

В один из зимних вечеров 1952 года ему позвонил Сталин и пригласил к себе. Это могло означать что угодно: похвалу, повышение по службе или разнос, грозивший всевозможными последствиями. Через некоторое время из кремлевского подъезда вышли оба — генсек и маршал Соколовский. На прощание вождь вручил ему букет красных роз, те предназначались супруге военачальника. «Передайте Анне Пе-

тровне, чтобы завтра ждала сына домой», — сказал Сталин.

Дело в том, что в 1950-м подполковнику Евгению Соколовскому было предъявлено обвинение в тяжком преступлении — будто бы он с друзьями участвовал в изнасиловании двух девушек. Состоялся суд, приговоривший сына маршала к 17 годам лишения свободы. В это невозможно было поверить, ибо Соколовский-младший зарекомендовал себя как блестящий офицер. Он участвовал в обороне Ленинграда, воевал на различных фронтах, штурмовал Берлин, по праву стал орденосцем, позже дослужился до генерал-майора. А начинал службу рядовым!

Разумеется, Василий Данилович потребовал провести тщательное расследование, которое курировал лично Сталин. В результате выяснилось, что Евгений Соколовский ни в чем не виноват. Тем не менее, оставался открытым вопрос — кому это было выгодно, кто инспирировал тяжкое обвинение?

Как утверждали близкие к маршалу люди, он весьма критически относился к тем представителям власти и военным, кто, пользуясь своим положением, вывозил из оккупированной Германии различные ценности. Собственное мнение на сей счет Соколовский выразил в докладе Сталину, в частности, нелестно отзывавшись о министре госбезопасности Викторе Абакумове. Тот уезжал из поверженного Рейха, мягко говоря, не с пустыми руками.

Существует версия, что влиятельный чекист пытался отомстить Василию Даниловичу, сделав мишенью его сына. Но дискредитировать маршала не удалось, да и Соколовский-младший вернул себе доброе имя. Сейчас в это трудно поверить, но в прежние времена далеко не все дети представителей власти, как политической, так и военной, пользовались протекцией отцов. Не грешил этим и Евгений Соколовский.

Дочь полководца Светлана тоже старалась ничем не выделяться среди сверстников. Вспоминала, что зимой 1941 года их учитель, рассказывая о беспримерных боях под Москвой, назвал генерала Соколовского. Преподаватель со значением посмотрел на девочку и произнес: «Вот какой у вас знаменитый однофамилец. Гордитесь им». Школьница покраснела и уткнулась в учебник. Никто в школе не подозревал, что военачальник, прославившийся при обороне столицы, — ее отец...

Как-то в санатории «Барвиха» он разговорился с Корнеем Чуковским. И писатель, редкостный эрудит, был немало впечатлен начитанностью своего визави. «Вы учитель?» — спросил Чуковский и получил утвердительный ответ. Василий Данилович в юности действительно хотел стать учителем. Узнав, кто же на самом деле его собеседник, Корней Иванович поразился еще больше: «А ведь совершенно не похож на военного!»

Золотой век

В мой кубок с вином льются слезы

Усадьба «Остафьево»

Валерий Бурт

В одном из написанных им стихотворений (каждый из нас помнит его по знаменитому фильму Рязанова) есть такие строки: «Я пережил и многое, и многих, / И многому изведал цену я». Поистине так — этот удивительно талантливый человек, редкостный интеллектuala прошел очень длинный и сложный земной путь. Застал пятерых самодержцев: появился на свет при Екатерине Великой, умер при Александре Освободителе. 23 июля со дня рождения Петра Вяземского исполнится 225 лет

КАК все находящиеся в постоянном поиске высоких смыслов люди, он был разным — в стихах, критических заметках, суждениях, мемуарах. Лишь на портретах оставался неизменен: пухлое лицо, цепкий взгляд из-под очков, упрямо сжатые губы. В облике угадываются неуступчивость, резкость.

Петр Андреевич — выходец из старинного княжеского рода. Его отец, действительный тайный советник, был большим любителем путешествий. Во время очередного гран-тура познакомился с ирландкой, урожденной Джени О'Рейли, и, что называется, до беспамятства влюбился. Отбил ее у прежнего мужа, французского офицера.

Увез избранницу в Москву, и в 1792 году нареченная на русский манер Евгенией Ивановной, она родила сына, о котором Пушкин позже изрек: «Судьба свои дары явить желала в нем, / В счастливом баловне соединив ошибкой / Богатство, знатный род с возвышенным умом / И простодушие с язвительной улыбкой».

В честь рождения наследника Андрей Иванович купил имение Остафьево в 35 верстах от Москвы. Там вырос двухэтажный дом в классическом стиле, с двумя флигелями. Особняк

**П. Вяземский
на торжественном обеде
в книжной лавке А. Смирдина**

примечателен не только внешним видом и внутренним убранством, но и визитами знаменитостей. Сюда в дальнейшем полюбят заглядывать на огонек Николай Карамзин и Денис Давыдов, дядюшка Пушкина Василий Львович и, разумеется, его гениальный племянник Вильгельм Кюхельбекер, Николай Гоголь, Адам Мицкевич, иные литераторы, чьи имена были и остаются на слуху.

В 1801-м один из гостей имения стал родственником Вяземских — Карамзин женился на сестре Петра Екатерины. Отныне видный историк и писатель творил в Остафьево на глазах будущего пиита. Юный князь получил прекрасное образование: сначала — в иезуитском пансионе Санкт-Петербурга, затем — дома, где обучали его лучшие профессора Московского университета. Увлекался сочинениями француз — Расина, Корнеля, Лафонтена, Мольера, Руссо. Почитал римлян: Вергилия, Горация, Тибулла. Со временем появилось у него пристрастие и к русской словесности.

Отец, правда, подталкивал к изучению точных наук. «Хотел уговорить меня, так сказать, выпрямить и отрезвить в умственной гимнастике цифр, — вспоминал позже

«Ум и талант не всегда близнецы, не всегда сросшиеся братья-сиамцы. Напротив, они нередко разрозненные члены. Ум сам по себе, талант сам по себе»

Петр Андреевич. — Но усилия его были напрасны. Я не поддавался».

В некоторых методиках воспитания родитель, впрочем, преуспел: одно время заставлял сына «барахтаться в Остафьевском пруду, с тем чтобы... выучился плавать», иногда темной ночью «посылал одного в рощу». Отрок закалил дух и обрел храбрость и стойкость.

Умирая, Андрей Иванович просил Карамзина быть наставником для своего сына. И тот согласился выполнить просьбу, не подозревая, какими проблемами это чревато.

Когда сурового отца не стало, юноша поспешил воспользоваться нечаянно нахлынувшей свободой, избрал — о, ветреная младость — рассеянный образ жизни, небольшую часть коей составляли пирушки

и кутежи. И с барышень, вестимо, глаз не спускал. Шелест платьев, стук каблучков, звучание тонких голосов заставляли учащенно биться его сердце.

Карамзин, как мог, увещевал шурину, советовал ему пойти на службу. Но молодой человек слушал по добные наставления вполуха.

В ноябре 1807-го он был зачислен юнкером в Московскую межевую канцелярию и спустя полгода получил чин титулярного советника. Если бы захотел, то степеней известных наверняка достиг бы очень скоро. Служил переводчиком у императора Александра I, даже обсуждал с ним Государственную уставную грамоту Российской империи — тогдашний проект конституции.

Самая большая его проблема заключалась в особенной склонности к свободомыслию. Это качество развивалось и крепло как в остафьевской кабинетной тиши, так и в шумных дебатах общества «Арзамас». На заседаниях последнего страсти кипели чрезвычайно бурно, хотя о том, что дозволено, говорили там во весь голос, а об остальном — преимущественно шепотом.

Вяземский сочинял вольнолюбивые оды, входил в «Общество добрых помещиков», ратовавшее за освобождение крестьян. Царь, однако, такую идею отверг и стал поглядывать на князя с известной настороженностью. Ведь и прежде монарху доносили, что сей молодой человек не вполне благонадежен, что в его голове роятся крайне опасные мысли.

С госслужбы пришлось уйти. Он угодил в списки оппозиционеров, а мог запросто стать и в ряды революционеров, если бы согласился участвовать в декабристских заговорах. Отказался. Но не из трусости, а оттого, что считал кровавое насилие неприемлемым. В этом оказался солидарен с Александром Грибоедовым, справедливо полагавшим, что «сто прапорщиков не могут изменить государственный строй России».

Декабристам тем не менее сочувствовал. В критический для них момент забрал у Ивана Пущина, ожидавшего ареста, зеленый портфель, который был опаснее кинжала, страшнее пистолета. В нем находились листки с запретными стихами Пушкина, Рылеева, Дельвига, конституцией Никиты Муравьева. Ту «бомбу» Вяземский спрятал в укромном месте и хранил три с лишним десятилетия. Нашли бы у него портфель жандармы — не избежал бы суда и острога. Он вернет Пущину его вещь, когда тот отбудет каторгу, возвратится из ссылки.

Петр Андреевич был многолик и во многом успешен — как переводчик, историк, публицист, мемуарист. К примеру, в конце 1840-х из-под его пера вышла первая полная биография Дениса Фонвизина. А задолго до этого, в рукописи, ее прочитал Пушкин, который отзывался восторженно: «Книга едва ли не самая замечательная с тех пор, как пишут у нас книги».

Другой заметный труд Вяземского, «Старая записная книжка», — объемная хроника русской и зарубежной жизни, кладезь зорких наблюдений, поучительных историй. Она суть гулкий отзвук его же вдохновенных строк: «Воспоминание, минувшего зарница, / Блеснет и озарит пройденный нами путь / И прожитые дни и выбывшие лица — / Все тени милые — теснятся в нашу грудь».

Оставил он весьма заметный след и в журналистике. В 1830-е сотрудничал в «Литературной газете» Дельвига, в пушкинском «Современнике». А до того работал в журнале «Московский телеграф», выступал с острыми критическими статьями и рецензиями. Был обвинен в «развратном поведении» и дурном влиянии на молодежь. Пришлось объясняться в письме к Николаю I, а затем просить у монарха прощения. Царь извинения принял и снова взял князя на службу.

П. Соколов. «Портрет П. Вяземского». 1830-е

«Выражение «квасной патриотизм» шутя пущено было в ход и удержалось. В этом патриотизме нет большой беды. Но есть и сивушный патриотизм; этот пагубен. Упаси Боже от него!..»

Вяземский вроде бы преуспел: стал камергером императорского двора, далее — вице-президентом департамента министерства финансов. Последняя его должность связана с руководством Главным управлением цензуры. Пост главного цензора он занимал около полутора лет — с декабря (ст. ст.) 1856-го по март 1858-го. За это дело, как и любое иное, взялся основательно, с искренней надеждой принести немалую пользу обществу. Выступал за реформирование цензуры, радел по мере возможности за гласность. Авторитета в среде прогрессивных писателей и либеральной общественности себе не снискал. Разве только литераторы старшего поколения Вяземского хвалили. Революционные демокра-

ты, включая Александра Герцена, обрушивали на него град упреков, в основном — незаслуженных. Впрочем, к нападкам и огорчениям Петр Андреевич к тому времени привык, относился к ним философски, с горькой иронией, в духе фразы, популярной у его соотечественников в XX веке: «Простите, а часовню тоже я развалил?»

«Нечего и спрашивать: разумеется, и я был в несчастном Царскосельском поезде на железной дороге в ночи с 11-го на 12 августа, — я непременно член всех крушений на воде и на суше. Горит ли пароход? я на нем. Сшибаются ли паровозы? я тут. Люди меня губят, но Бог милует. Благодарение Богу, с этим жить еще можно», — написал он в одной из своих статей еще в 1840 году. Чего-чего, а страшных испытаний, жизненных катастроф на его долю выпало в избытке. Погибали либо просто слишком рано уходили в мир иной друзья. Ему пришлось пережить семерых своих детей, большинство из которых умерли в пору младенчества и юности. Другой давно бы сошел в могилу от подобных потрясений-переживаний, но Вяземский держался, находя некоторое утешение в трудах на литературной ниве.

Ярче всего дар Петра Андреевича проявился в поэзии. Среди его стихотворений немало по-настоящему талантливых, изысканно метафоричных: «Дорожная дума», «В воспоминаниях ищущу я вдохновения», «Тропинка», «Жизнь наша в старости — изношенный халат». А также — искрящийся солнечными лучами «Первый снег»: этому произведению добавил славы Пушкин, сделавший строку «И жить торопится и чувствовать спешит!» эпиграфом к первой главе «Евгения Онегина».

Замечательны романы Вяземского: «Едешь-едешь», «Тройка», «Незабудочка». Но лучший, возможно, — «Друзьям», его мы тоже

слышим в картине «О бедном гусаре замолвите слово»: «Я пью за здоровье не многих, / Не многих, но верных друзей, / Друзей неуклончиво строгих / В соблазнах изменчивых дней».

Некогда он признавался: «Странное дело: очень люблю и высоко ценю певучесть чужих стихов, а сам в стихах своих нисколько не гонюсь за эту певучестью». А далее объяснял, как рождаются его рифмы-созвучия: «Я никогда не пишу стихов моих, а сказываю их про себя в прогулках моих. ...Это не вполне импровизация, а что-то подобное тому, импровизация с урывками, с остановками. В этой пассивной стихотворческой гимнастике бывают промахи и неправильные движения. После выпрямлю их, говорю себе, — и иду далее. А когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бывает уже поздно; поправить, выпрямить не удается: поправить лень, да и жар простыл... Не продаю товара лицом. Не обделяю товара, а выдаю его сырьем, как Бог послал».

Сдается, он не особо дорожил своими стихотворениями. Первый и последний прижизненный сборник «В дороге и дома» вышел... к 70-летию Петра Андреевича.

Князь, несмотря на поэтический дар, который он, конечно же, в себе ощущал, не стремился растащить локтями коллег, маститых и популярных. А ведь в 20-е годы XIX столетия был не меньше известен в литературных кругах Санкт-Петербурга, чем Пушкин с его памятным восклицанием: «Щастливый Вяземский! Завидую тебе!», не уступал в этом смысле Рылееву, Батюшкову, Давыдову. Отчего скромничал?

Он ответил на этот вопрос так: «Как писал я, потому что писалось, так и жил я, потому что жилось».

На праздновании в честь 50-летия его литературной деятельности в 1861-м Петр Андреевич заметил, что он не более, чем живое

«Безбожие опустошает небо и будущую жизнь. Историческое вольнодумство и неверие опустошают землю и жизнь настоящего отрицанием событий минувшего...»

напоминание о великой эпохе, в коей творили Жуковский, Карамзин, Пушкин и прочие знаменитости: «Это не заслуга, но это право на сочувственное внимание ваше. Вы вменяете мне в заслугу счастье, которое сблизило и сроднило меня с именами, вам любезными и с блеском записанными на скрижалях памяти народной».

Вяземский оставил потомкам не только стихи, воспоминания, статьи, но и россыпь замечательных мыслей-афоризмов. Последние ценны еще и тем, что звучат по сей день современно. Например, он считал, что одна из главных бед нашей литературы заключается в следующем: «Ум и талант не всегда близнецы, не всегда сросшиеся братья-сиамцы. Напротив, они не-

редко разрозненные члены. Ум сам по себе, талант сам по себе».

А вот другое по-прежнему актуальное изречение: «Выражение «квасной патриотизм» шутя пущено было в ход и удержалось. В этом патриотизме нет большой беды. Но есть и сивушный патриотизм; этот пагубен. Упаси Боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная».

С годами Вяземский все больше мрачнел. Одергивал молодых, не в меру ретивых журналистов и литераторов: «Но говорят вам: отрезвитесь, / Высокомерные умы! / Первоначальем не хвалитесь / И не твердите: мы, да мы». Поругивал Тургенева, Некрасова. Да и Льва Толстого, который еще не был светочем, упрекал — ни много ни мало — в искажении истории: «Безбожие опустошает небо и будущую жизнь. Историческое вольнодумство и неверие опустошают землю и жизнь настоящего отрицанием событий минувшего и отрешением народных личностей».

На закате дней он во многом разочаровался, прежние свои вольнодумные мысли находил вздорными. Однако доказывать кому-либо что-либо охота пропала. Жил в основном за границей, в Баден-Бадене, в Россию наведывался редко.

В «Эпитафии себе заживо», написанной в 1871 году, горько сетовал: «Лампадою ночной погасла жизнь моя, / Себя, как мертвого, оплакиваю я. / На мне болезни и печали / Глубоко врезан тяжкий след; / Того, которого вы знали, / Того уж Вяземского нет».

Но жизнь еще долго его не отпускала. Словно ждала выплеска новых мыслей, метких фраз, острых слов. Петр Андреевич угрюмо молчал — все уже было высказано.

Родное слово

В обезьяньем царстве, в карачуньем государстве

Дарья Ефремова

Его, кумира французских интеллектуалов, писателя, художника, фольклориста и неоплатоника, обычно причисляют к младшим символистам или экспрессионистам. Он же, чуждаясь всяких течений и предвосхищая классиков постмодерна, значительно опережал время. 6 июля исполняется 140 лет со дня рождения Алексея Ремизова.

КОСТРОМА в ежовой шубке как вылезет весной из овина, так давай с малыми ребятками во- зиться, валандаться, а устанет — ляжет на тра- ву, греет переливчатое брюшко на солнышке. И усики у нее желтые, ими она бабочек ловит. Котофеевна брезг- ливо надувает красные губы, машет лапой на мышей: «Чтоб вас нелегкая!» Бесенята играют с цветочками в чехарду. Только платица развеваются синенькие да беленькие...

Алексей Михайлович («назван в честь Тишайше- го») с первую же книгой своей «Посолонь» сразу стал культовым автором. «Живая сокровищница русской речи», — говорила о его текстах Марина Цветаева.

На одной из карикатур Ремизов изображен стоящим на постаменте, к нему тянется лапками любимая им болотная нечисть.

Проведя Котофеича, Зайчика Ивановича и Кост- ромушку по солнечному кругу (год начинается здесь весной, как встарь), писатель довольно скоро взялся за следующее произведение — «Лимонарь, сиречь: Луг духовный». Уже не нянюшкины напевы звучат, не медвежья колыбельная доносится («Баю бай-бай, медведевы детки, — баю бай-бай, косолапы да мохна- ты, бай-бай») — предстает перед нами Иуда, кинутый Богом в преисподнюю, осужденный на веки вечные торчать у самого пекла. В медных сапогах, в желез- ной одежде явлен Ирод-царь: «Празднует поганый козар новолетие — жатвенный пир». Иродиада, крас-

Б. Кустодиев.
«Портрет
А.М. Ремизова». 1907

ФОТО: АЛЕКСЕЙ АНТОНОВ/ТАСС

ная панна, пляшет да приговаривает: «Хочу... голову Ивана Крестителя!»

«Лимонарь», состоявший из шести повестей на сю- жеты древнерусских апокрифов, нашел благодушную критику. В Ремизове видели преодоление декаданс- ного начала, всей этой надоевшей совокупности поэзы, манеры, самокопания. Чувствовали новое Средневе- ковье, анонимное, интуитивное, синтезирующее раз- личные срезы, пласты преданий старины глубокой — нечто близкое к концепции Вячеслава Иванова с ее милой соборностью. Но, как отмечает доктор филоло- гических наук Юрий Розанов, писатель был разочаро- ван такой реакцией: он ждал скандала.

Его сочинение, восходящее к популярной с XII века ереси, признавало равновесие между силами добра и зла, их двойственное управление единым миром. Вол- ну возмущения должен был вызвать заключительный текст сборника — повесть «О страстях Господних. Триденевен во гробе». В ней Христа приговаривают к казни, мучают и убивают бесы, а нарастание ужаса перед казнью достигается «каталогизацией инстру- ментария и операций»: «Гремело оружие: мытарские мечи, ножи, пилы, стрелы, сечива кознодействовали. Они расторгали составы изможденного тела, отсека- ли ноги, потом руки и, вновь оживив, пригвождали, и выдергивали маковые листочки с кровавых ран, и дья-

ЛИСТ ИЗ АЛЬБОМА «СОЛОМОНИЯ», 1955

вольским соленым языком облизывали истерзанные раны».

А когда бы наговорили массу глупостей и грубостей, рассуждает Розанов, за писателя вступились бы ученые-медиевисты и рассказали, что натуралистические описания, шокирующие эпитеты, гиперболизированные детали писатель почерпнул из древнерусской апокрифической традиции, в частности из повести «Страсти Христовы», в которой вполне откровенно рассказывается о бичевании Христа, о том, как у него «отделялось мясо от костей». Таким образом, и в этом произведении писатель пользуется той же сокровищницей народной мудрости, за «возрождение» которой в «Посолони» его единодушно хвалили литературные журналы.

«Всегда скучно, если все идет порядочно», — признавался Алексей Михайлович, добавляя, что страсть к скандалам он сохранил на всю жизнь.

О его экстравагантности ходили легенды. Как и о любви ко всякого рода страшилкам. Криксы-вараксы

скачут из-за крутых гор, чтобы оттапать хвост у попава кобеля. Косоглазую Аришку черти щекочут под елкой. По дворам слоняется дед Карачун с семихвостой: раз хлестнет — семь рубцов, другой раз — четырнадцать.

«Мы все рождаемся в мире, чтобы нас ласкала царевна Мымра, но всех нас пожирает зловонная змея Скарапея, — так смысл ремизовских книг определил Корней Чуковский, считавший, что все эти «Лимонари» и «Посолони» — не литературничанье, а чаще всего личный дневник, лирика запутанной души. — О, как редки там просветы, ясные, солнечные видения! Ремизов пошлет мимолетную улыбку какому-нибудь Зайчику Ивановичу, такому же дрожащему, как и сам, и снова торопится к Криксам-вараксам, торопится пугать и пугаться».

Что же касается его человеческого образа, который писатель намеренно смешивал с литературной маской, тут рассказывать можно до бесконечности. Он, например, любил, когда его освистывали. Ху-

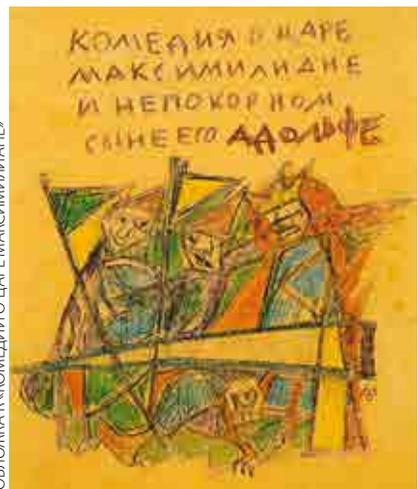
ЛИСТ ИЗ АЛЬБОМА «СИБИРСКИЙ СКАЗ», 1940

ЛИСТ ИЗ АЛЬБОМА «СИБИРСКИЙ СКАЗ», 1940

ОБЛОЖКА К «КОМЕДИИ ЦАРЕМАКСИМИЛИАНЕ»

дожник Мстислав Добужинский вспоминал, как на премьерe «Бесовского действия» зрители сопровождали каждое появление драматурга «таким шиканьем, свистом, криками... каких не было даже в аду, у чертей разных чинов и званий». Но это «автору словно бы доставляло какое-то своеобразное удовольствие». Работая в журнале «Вопросы жизни» секретарем и не имея допуска к редколлегиям, тот устраивал альтернативные планерки: ставил калоши вкруг, сам садился в центр и председательствовал. А как он приложил знаменитого антрепренера, «идолище русского интернационала» Сергея Дягилева, игнорировавшего корреспонденцию чудаковатого литератора из высокомерия: «Не отвечают на письма или опытные жулики, для кого всякий документ... улика; или незаинтересованные — на всякое чиханье не наздравствуешься; или что веруют в грамматику и стесняются своей нетвердости».

«Что вы такое написали, что Дягилев обиделся?» — заинтересовался издатель, земский деятель Дмитрий Жуковский. Но внимательно изучив письмо, хмыкнул: «Дворецкий «Вопросов жизни». — «Дворецкий, моя должность!» — «Понимаю! — громче произнес Жуковский, радуясь, что разрешил загадку. — Дягилев обиделся на «дворецкого». Говорят, он сказал: «Я с лакеями не переписываюсь». — «А вы знаете, что такое «дворецкий»? — Ремизов гордо поднял голову. — Первый при московском царе и великом князе заступает царя в судебных решениях. А он меня в лакейскую. Да это все равно что спутать государева приказного дьяка с церковным дьячком!»

Самым известным его чудачеством было создание Обезвелоппала — Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. К этой игре были привлечены крупнейшие представители науки и культуры Серебряного века: обезьяний старейшина Лев Бакст, кавалер обезьяньего знака первой степени с беличьими коготками Анна Ахматова, князь обезьяний с крылом Икара Серж Лифарь, римский полпред и кавалер обезьяньего знака

Михаил Осоргин, кавалер обезьяньего знака 1-й степени с колоском Михаил Пришвин, граф обезьяний Николай Гумилев...

Николай Степанович, герой, ментор, абиссинец, с удовольствием находился в рабстве у Ремизова, бегал в лавочку за лимоном, бумагой, спичками, являя собой иллюстрацию к евангельской притче: «И кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом».

Уже после революции, встретившись с Алексеем Михайловичем в Петрограде, сам просил поднять его в обезьяньей иерархии: «Я имею честь состоять в кавалерах, мне бы хотелось быть возведенным в графы». — «Да нету такого, чего вам, вы и так, как Блок и Андрей Белый, «старейшие кавалеры» и имеете право на обезьянью службу». — «Нет, я хочу быть обезьяньим графом». — «Моя должность, Николай Степанович, маленькая», — ответил Ремизов, уже решив, что в графы таки нужно Гумилева возвести.

Конечно же, это была игра в масонскую ложу, да еще и со своеобразным перевертышем: первые — они же последние, а учредитель — всего лишь канцелярист. Игрой являлось и ремизовское архаическое мировоззрение — с равнозначностью темных и светлых сил, где на одной горе сидят и черт с кочергой, и ангел с крыльшками, а моделью для сюжетов и образов становятся абсурдистские сказки кормилицы, поверья, не адаптированные для культурного читателя.

За несколько десятков лет до того, как вышли основополагающие работы Барта, Гадамера, Дильтея и Бахтина, Ремизов уже создал интертекст. «Огонь вещей», изданный в 1954-м маленьким тиражом на средства друзей и почитателей его таланта, являет собой авторизованный пересказ классиков, писателей-сновидцев: Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Достоевского. Цитаты без кавычек переходят в свободное домысливание. Ремизов вживается в героев, вселяется и в самих авторов: «Распаленными глазами я взглянул на мир — все как будто умерло... За какое преступление выгнали меня на землю? Пожалел ли кого — уж не за шинель ли Акакия Акакиевича? за ясную панночку русалку? — или за то, что мое мятежное сердце не покорилося и живая душа захотела воли? Какой лысый черт или тот, хромой, голова на выдумки и озорство, позавидовал мне?»

Кто это: Ремизов, Гоголь, любой творец-демиург, проводник в предсонье-двомирие, случайный человек, заброшенный в пространство сладкого или дурного сна? Вслед за Платином он считал сущий мир слабой копией мира метафизического, духовной реальности. Наивное, примитивное мышление, утраченное большинством из нас в детстве, — единственная связующая нить с макрокосмом. «Человек человеку — бревно», — рассуждал Ремизов, погружаясь в сонмы своих архетипов. Где вместо хтонической матери — Костромушка, а вместо трикстера — дед Карачун.

ЛИСТ ИЗ АЛЬБОМА «ВОСКРЕШЕНИЕ МЕРТВЫХ», 1931

Великие реалисты

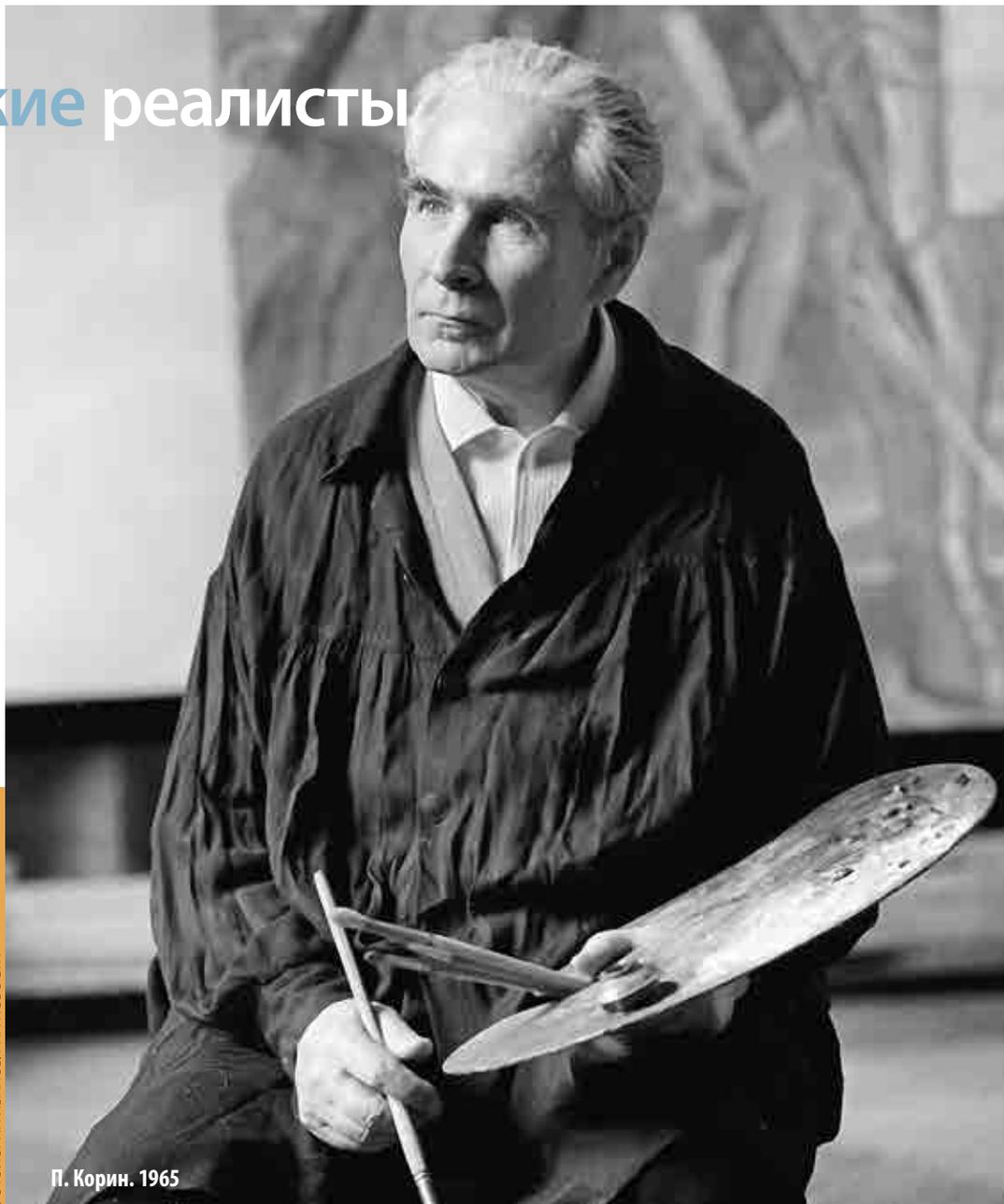

ФОТО: ЮРИЙ ИВАНОВ/РИА НОВОСТИ

П. Корин. 1965

Русь не ушедшая

Ксения Воротынцева

Потомок палехских иконописцев, приверженец традиций старой Руси, сгинувшей в череде катаклизмов XX века, непосредственный свидетель трагического перелома, он посвятил свою жизнь посильному сохранению исчезавшей на его глазах культуры, занимался восстановлением поврежденных временем и людьми полотен, иных особо ценных для истории вещей. 125-летие со дня рождения Павла Корина Россия отмечает в июле.

ПАВЕЛ Дмитриевич был настоящим подвижником. Пытался спасти от уничтожения предметы церковного искусства, почти полвека собирал коллекцию древнерусской живописи, которую затем передал в дар Третьяковской галерее. Но главным образом проявил себя как талантливый живописец, при том что довольно долго — до тридцати лет — не решался создавать собственные произведения. Полагал, еще есть чему учиться.

Его юные годы пришились на расцвет русского модерна. В графике Ивана Билибина, архитектуре Федора Шехтеля, причудливой живописи Михаила Врубеля сформировался особый стиль, где плавные линии ар-нуво соединялись с броским национальным колоритом сказок, былин, древнего зодчества. Тема становления русского народа, понимания им своей субъектности стала тогда центральной для многих художников, писателей,

«Марш в будущее». Эскиз панно для Дворца Советов

ФОТО: СВЕДЛОВ/РИА НОВОСТИ

композиторов. В то же время на их творениях нередко лежала печать грядущей катастрофы — даже на мирных, лучащихся счастьем портретах Валентина Серова, умершего за три года до Первой мировой. Изображения царской семьи, представителей светского общества, щедрых и просвещенных меценатов, их детей символизировали не-

кий пик благоденствия, после которого начинался стремительный спад.

Творчество Корина — продолжение именно этой линии, но не в области стиля, а скорее в плане самобытности. Несмотря на разрушение старого уклада, не позволившее завершиться процессу национального строительства, художник продолжил обращаться к народной теме. Конечно же, трагических нот в его работах было значительно больше, нежели у предшественников. Портреты священников, прихожан, простых людей отображали испытания духа человека перед лицом неизбежных исторических обстоятельств.

Биография Павла Корина состояла из взлетов и падений, творческих удач и невзгод. Он трудился реставратором в Музее Кремля и Третьяковской галерее, в ГМИИ им. А.С. Пушкина, где восстанавливал после войны «Сикстинскую Мадонну» из коллекции Дрезденской галереи. Некогда дружил с Максимом Горьким, благодаря которому они с братом Александром, тоже художником, смогли совершить поездку в Италию и познакомиться с подлинниками мастеров Ренессанса. Создавал собственные шедевры — портреты деятелей культуры, причем именно в этом жанре проявил себя особенно ярко.

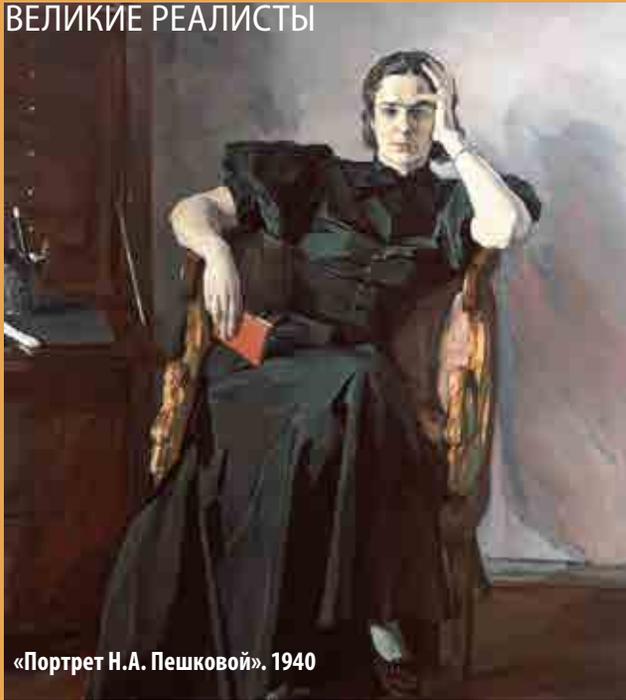
Первостепенное значение для

«Портрет А.М. Горького». 1936–1937

ФОТО: ВЛАДИМИР ВДОВИГУРИА НОВОСТИ

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

«Портрет Н.А. Пешковой». 1940

ФОТО: ОЛЕГ ИГНАТОВИЧ/РИА НОВОСТИ

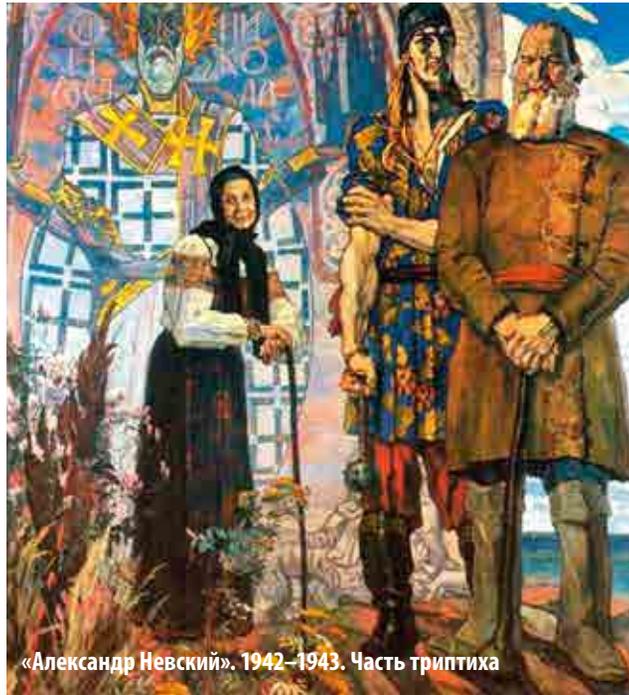
«Портрет скульптора С.Т. Конёнкова». 1947

ФОТО: БАЛЛАБАНОВ/РИА НОВОСТИ

него имело не фотографическое сходство, а способность передать характер, ухватить внутреннюю сущность человека. Интересно, что Павлу Дмитриевичу прекрасно удавались не только лица, но и самая сложная портретная деталь — руки, перед чем пасовали и до, и после Корина многие известные авторы.

Своего наставника Михаила Нестерова он изобразил в момент спора: пожилой живописец смотрит на оставшегося за кадром собеседника, тонкие пальцы нервно сжимают ручку кресла.

Иным получился скульптор Сергей Конёнков — вечный мечтатель с полубезумными глазами. Итальянец Ренато Гуттузо позирует на фоне яркого натюрморта,

«Александр Невский». 1942–1943. Часть триптиха

нечто неувлимо чужестранное сочетается с общей для каждого творца погруженностью в себя.

Непросто давался групповой портрет Кукрыниксов. Нужно было передать индивидуальность каждого из них и при этом постараться сделать так, чтобы у зрителей сложилось целостное впечатление и композиция не распалась.

Писал Корин и людей военных. На одной из самых знаменитых картин можно увидеть маршала Жукова. Замечательно переданы средствами живописи мужество и храбрость известного летчика-испытателя Михаила Громова. Особого внимания заслуживает триптих, посвященный Александру Невскому, созданный в годы Великой Отечественной, когда национальная проблематика вновь обрела сугубую актуальность.

Главную работу ему не суждено было закончить. «Русь уходящая» («Реквием») осталась лишь в набросках и эскизах. Впрочем, и подготовительные портреты требовали невероятного труда. Поначалу служители церкви отказывались позировать, с недоверием воспринимая интерес к их персонам. Благоприятный поворот в отношениях произошел после согласия митрополита Трифона, духовника Михаила Нестерова, которого последний уговорил дать несколько сеансов. Это решение восприняли как негласное благословение, и Корину удалось создать галерею церковных иерархов своего времени. Изображая суровые, исполненные страданий лица, мастер стремился, как он сам говорил, показать правду. Невозможность воплощения великого замысла была трагедией всей его жизни.

Деятельность этого художника, исследователя, мыслителя, ставшего фигурой не только общенационального, но и планетарного масштаба, — своеобразный камертон для тех, кто служение искусству и своему народу ставит превыше всего.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Реквием. Русь уходящая». 1935–1959

Русь уходящая

Замысел полотна «Реквием» возник в 1925 году, во время похорон патриарха Тихона. Гнетущая атмосфера гонений на церковь придавала прощанию со Святейшим, проходившему в Донском монастыре, глубоко символический смысл. Казалось, здесь собралась вся православная Русь. Люди, стекавшиеся в храм, демонстрировали готовность следовать вере при любых обстоятельствах. Не запечатлеть этот момент — трагичный и возвышенный — чуткий к историческим событиям художник просто не мог.

Корин подошел к задаче фундаментально. За 12 лет он создал 32 подготовительных портрета духовенства и прихожан. Название «Русь уходящая» было подсказано Максимом Горьким, который однажды посетил его в мастерской и поразился силе увиденных там работ. Увы, грандиозная картина так и осталась незавершенной, хотя для нее предварительно был установлен специальный гигантский холст. Сохранился лишь эскиз, дающий представление о том, как могло бы выглядеть произведение: автор собрал все значимые для него фигуры, выстроив колоссальную композицию.

Художник изобразил сразу четырех патриархов, духовное правление коих пришлось на несколько советских десятилетий: святейшего Тихона, патриархов Сергия и Алексия I, а также Пимена, тогда еще молодого иеромонаха.

С последним живописец познакомился в 1920-е. По свидетельству вдовы Павла Дмитриевича, мастер изобразил его на рисунке «Молодой монах. Регент. Церковь Св. блаженного Максима Московского, чудотворца, на Варварке. Всенощная. 10/23 ноября 1926 года».

Известно, что они поддерживали общение и позднее, в 30-е, когда Пимен навещал Корина в его мастерской.

Памятник А. Вампилову в Иркутске

ФОТО: PHOTOXPRESS

Неоконченная пьеса

Елена Мачульская

Названный в честь великого русского поэта Александром, мальчик из затерянного в тайге бурятского поселка Кутулик стихотворцем не станет. Хотя в ранней юности будет писать стихи и покажет их немногим «под страшным секретом». Он пойдет другим путем и совершит некоторый переворот в отечественной драматургии. Даже новое понятие появится — «театр Вампилова».

СЫН Сибири, ставшей домом для разных народов, он носил в себе русскую и бурятскую кровь. Не от исконных ли жителей тех родных для него мест передалась эта — многократно явленная в пьесах — вера в предопределенность, в то, что все происходит не случайно? И, конечно, умение видеть, подмечать, без которого в тайге не проживешь. Как его предки по отцовской линии всматривались в лесную чащу или бескрайние степные просторы, Александр Вампилов вглядывался в человеческую душу. И находил много важного для себя и для нас.

А. Вампилов.
Студенческие
годы

Валентин Распутин говорил о нем: «Кажется, главный вопрос, который постоянно задает Вампилов: останешься ли ты, человек, человеком? Сумеешь ли ты превозмочь все то лживое и недоброе, что уготовано тебе во многих житейских испытаниях, где трудно различимы даже противоположности — любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение».

Останешься ли ты живым в самом главном, духовном смысле?

Ведь можно при всей внешней устроенности, при наличии хорошей работы, просторной квартиры, красивой спутницы жизни быть ходячим мертвецом, как Зилов из «Утиной охоты» — обладая, казалось бы, всем необходимым, не иметь, по сути, ничего. А можно все потерять, но остаться собой, как это произошло с Валентиной из пьесы «Прошлым летом в Чулимске». После тяжелейших душевных потрясений она идет в очередной раз восстанавливать палисадник, а через него по-прежнему беспардонно, с невероятным по своей бессмысленности упорством продолжают ходить все посетители чайной.

Александр Вампилов одним из первых решился перенести на сцену драму обыденной жизни, в которой вроде бы нет ничего такого, что достойно сценического воплощения. Экстраординарные сюжетные перипетии отсутствуют напрочь, герои просто живут в окружении тривиальных бытовых реалий. Однако оказывается, что между понятиями «быт» и «бытие» — вовсе не бездна. Бытовое в пьесах Вампилова расширяется до философского толкова-

В. Кузьмин. «Кутулик. Улица Партизанская». 1983

ния жизни, осознания проблем общечеловеческого братства или всеобщего отчуждения, потери собственного «я» или, наоборот, возвращения к своей лучшей ипостаси. Самые обычные, будничные ситуации становятся для героев проверкой, ответом на вопрос, способен ли ты услышать и понять ближнего своего. Если да — еще не все потеряно, если же нет — увы...

У Вампилова ничего не происходит просто так. При определенном жизненном раскладе персонажу предоставляется шанс услышать голос собственной судьбы, и внезапно, вопреки всему наносному, проявляется истинное. Пожалуй, не случайно свой путь в литературе Александр начал с изданной по окончании Иркутского университета тоненькой книжки рассказов «Стечение обстоятельств».

Для Вампилова-прозаика обстоятельства складывались поначалу довольно благоприятно, для Вампилова-драматурга — иначе. Ведь автор пьес не может состояться лишь на бумаге, вне сцены. Его сочинениями восхищались именитые московские режиссеры, но ставить их не спешили.

Он смотрел на мир как-то особенно. И художественную реальность измерял непривычными доселе критериями. В его пьесах действует видимое и невидимое. Первое — банальное, объяснимое, предсказуемое, соответствующее установленным нормам. Но есть и иное — почти неразличимое, ирреальное, незаметно пробуждающееся в душах людей, где все живое погребено под спудом штампов, стереотипов: то ли совесть, то ли любовь, то ли желание верить и надеяться. Вампилов смотрел на жизнь как на совокупность возможностей для творческого и экзистенциального преобразования.

В «Старшем сыне» Бусыгин, взявшись поначалу дурочить простодушного Сарафанова ради ночлега, к финалу пьесы действительно становится его сыном — по духу. И никакая это, в сущности, не комедия, а философская притча, рассказанная языком бытовых реалий, удивительно прозаичная, но одновременно и подлинно христианская. Когда обман раскрывается, Сарафанов отвечает единственной фразой, снимающей все дальнейшие вопросы: «Вы мои дети, потому что я люблю вас». Оратория, которую он пишет много лет, недаром называется «Все люди братья». И вот это вневременное, высокое звучало тогда, когда медленно, но верно осыпались извечные истины, становились малозначимыми или даже вообще ничего не значащими слова «дружба», «верность», «любовь», «честь», когда жизнь начала превращаться в ярмарку, требующую постоянной спешки: «А как же не спешить? Тут самое главное — не опоздать. Надо побывать на качелях, пострелять резинового зайца, выиграть пари, напиток, подраться, протрезветь, купить коня, поглазеть на

«Старший сын»

«Валентина»

«Отпуск в сентябре»

скоморохов. Все надо успеть», — констатирует герой написанной в 1964 году «Ярмарки».

Одна из характерных черт творчества Вампилова — разрыв героя с миром отчего дома. Нет такового у Колесова (персонажа «Ярмарки», позже получившей название «Прощание в июне»), в поисках ночлега стучатся к Сарафановым Бусыгин и Сильва, чужой в Чулимске Шаманов ночует у Кашкиной.

Единственный счастливый обладатель настоящей квартиры — Зилов. Но оказывается, что жилье у него есть, а родного дома — нет. Весь его бытийный уклад с этим понятием несовместим. Неспроста вместо настоящей кошки, которую принято первой впускать в новое жилище, на новоселье ему и супруге Галине дарят плюшевую игрушку.

В этой пьесе Вампилов наглядно показывает: отравившись от корней, с чистого листа и на пустом месте нормальную жизнь построить невозможно. И сегодня это, пожалуй, даже актуальнее, чем в советские годы. Ведь на смену «комедии» застоя пришла трагедия мира, ориентированного на материальные ценности, а в сущности — все то же представление: жизнь «проигрывается», растрачивается на что попало.

«Утиная охота» стала не только главным произведением Александра Вампилова, но и поворотным моментом в развитии советской драматургии. Если до сих пор герои спрашивали себя, как поступить в той или иной ситуации, то перед Зиловым уже встал вопрос иной: как жить дальше — теперь, всмотревшись в себя и увидев, кто ты есть на самом деле?

Эта пьеса, как и другие вампиловские, сложилась из очень узнаваемых реалий иркутского быта: литераторы любили путешествовать по Байкалу, ночевали в тайге у костра, и мужской компанией, и семьями, ружье имелось почти в каждом доме. Сам драматург был страстным рыболовом и охотником. Ключевую для «Утиной охоты» историю рассказал ему иркутский геолог по фамилии Зилов: его коллеге приятели прислали венок с надписью «Дорогому Юрию Александровичу, сгоревшему на работе». Один из знакомых Вампилова получил телеграмму о смерти отца и не поехал его хоронить. А дом у планетария был хорошо знаком каждому иркутянину (все эти детали отражены в озаглавленной пьесе).

Лев Аннинский полагает, что Вампилов — родоначальник драматургии провинциальной жизни. Критик видит своеобразие — и этой драматургии, и этой жизни — в том, что Александр Валентинович открыл в них «нечто непредсказуемое. Вампилов прямо сказал, что именно тревожно ему в «провинции»: неопределенность. Мнительность из страха мнимости — вакуум духа, который может заполниться чем угодно... уж как судьба повернется».

В душах многих вампиловских героев словно качаются чаши весов, и какая перевесит — неизвестно, что из этого в дальнейшем получится — тоже. Быть может, некое радостное чудо или, напротив, — трагедия.

Его девушки воплощают авторский идеал чистоты и душевной цельности. Валентина — обычная официантка в чайной и в то же время необыкновенная, чувствующая подлинную красоту, способная восстанавливать разрушенное — и в окружающем материальном мире, и в человеческой душе.

Эти светлые создания — последняя надежда для сомневающихся, до сих пор не нашедших себя героев-мужчин. Таня покоряет Колесова силой своей безоглядой любви, Ирина видится Зилову новой путеводной звездой, Шаманов, общаясь с Валентиной, преодолевает собственное духовное оцепенение.

Центральным событием вампиловской драматургии становится то, что можно с некоторой долей условности назвать «чудом». Например, чудесно воскресает Шаманов, человек, которому в начале пьесы безразлично абсолютно все, даже собственное тело и мысли кажутся чужими: «Этот мир я обретаю заново, как пьяница, который выходит из запоя. Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес, — я сейчас ехал через лес, — трава, деревья, запахи — мне кажется, я не слышал их с самого детства». Чудо, таким образом, происходит, однако счастливого финала оно не гарантирует. Не получится, как в сказке со счастливым концом, ибо это все-таки не сказка...

Вампилов считал: «Писать нужно о том, от чего не спится по ночам». В своей последней пьесе он сумел удивительно точно показать драму близкого и дорогого ему мира, таежной глубинки, которую рвут надвое исконное и современное. Крошечный Чулимск — пограничье леса и городской цивилизации. «Урбанистический» порядок взял верх над старым укладом, и здешний народ, прежде живший собственным умом и трудом, оказался униженным, морально раздавленным фактом своей удаленности от центров. От этого люди, раньше чувствовавшие себя абсолютно полноценными, те, кому городской уклад чужд, начинают страдать. Таким, как эвенк Еремеев, кроткий старик-охотник, в этой новой жизни просто не находится достойного места.

Устав от бесконечного ожидания сценического воплощения своих пьес, Александр Вампилов не раз говорил друзьям, что собирается бросить драматургию и уехать учительствовать в глухое село. Не бросил. Осень 1972-го должна была стать по идее самой счастливой в его судьбе: в Москве готовились сразу две громкие постановки. Но столичных премьер он не увидел. На любимом Байкале, куда приезжал каждый год отдохнуть и творить, его лодка перевернулась, наткнувшись на топляк.

Драматург успел написать четыре одноактные пьесы и столько же многоактных, однако сумел сказать о многом, создал уникальный художественный мир, особую этическую и эстетическую систему. Все его произведения полифоничны, допускают различные толкования, у всех, по сути, открытый финал — в конце не точка, но многоточие. Вампилов неизменно оставляет героя на пороге важных решений, предоставляя зрителям самим додумать его дальнейшую судьбу. Ведь пока жив человек, точку ставить рано.

Стоп-кадр

Орел степной, казак лихой

Николай Ирин

Самая известная фигура начального этапа развития отечественного кино, безусловно, Ханжонков. На заре XX века, помножив природную деловую хватку на творческое воодушевление, он заложил основы российской киноиндустрии.

АЛЕКСАНДР Алексеевич родился 140 лет назад на территории теперешней Makeевки, неподалеку от Донецка. Потомственный донской казак, представитель старого и уважаемого, но обедневшего рода, в 1896-м окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище и отправился служить в Москву, в привилегированный Первый казачий полк.

От военной карьеры по состоянию здоровья был вынужден отказаться, в 1905 году уволился в чине подъесаула. Семья казачьих офицеров, вышедших в запас в возрасте не старше 28 лет, обеспечивались единовременной суммой в 5000 рублей. Хорошие деньги. Что делать с ними, на что употребить? Долго думать не пришлось: по странному стечению обстоятельств незадолго до этого, будучи у родственников в Ростове-на-Дону, храбрый офицер заглянул в «биограф», как тогда назывались кинотеатры, на 30-минутный сеанс, где отсмотрел несколько короткометражек. Отчего-то яростно забилось сердце, впоследствии Ханжонков это состояние опишет: «После сеанса я вышел на улицу опьяненный. То, что я увидел, поразило меня, пленило, лишило равновесия!»

Потрясение он хорошо запомнил, но не более того. Судьба, однако, не унималась. Вот земляк попросил его, теперь уже москвича, прикупить проекционный аппарат в магазине

«Братьев Пате» на Тверской. Ханжонков познакомился там с управляющим Эмилом Ошем. Ловкий торговец оценил впечатлительную натуру русского покупателя, и когда тот окончательно оформил свое новое, гражданское, существование, они создали совместное предприятие. Благо пять тысяч настойчиво сигнализировали, что не пристроены к делу.

Впрочем, это теперь мы знаем, что синематограф — серьезный бизнес, а в 1905-м поставить себя и свой капитал на службу «волшебному фонарю» мог только человек сильной интуиции и рискованного нрава. Что ж, отставной казачий офицер был именно таковым.

Появившийся Торговый дом «Э. Ош и А. Ханжонков» специализируется на прокате в России иностранных кинокартин. Партнеры однажды отправляются в зарубежную командировку, и только в поезде выясняется, что у Оша исходной суммы, соответствующей его положению в новоиспеченном Торговом доме, попросту нет. Чем-то казус напоминает поведение Кисы Воробьянинова накануне заветного аукциона.

Но смутить Ханжонкова не так-то просто. Пускай теперь недоступны ленты ведущих производителей — от «Гомон», «Братьев Пате», Мельеса — упорные партнеры закупают пакет фильмов у второразрядной фирмы «Урбан». Половину продают уже на обратном пути, в Варшаве, остальное оптом берут у них московские прокатчики Алксне, Гехтман и Абрамович. Следует отметить забавную деталь: в те времена стоимость картины зависела по большей части от ее длины, фильмы покупались на метры, подобно ткани. Прибыль составила всего 10 процентов, но это в любом случае навар, который утвердил Ханжонкова в мысли, что он на правильном пути.

Сочетание предпринимательской расчетливости с романтическим авантюризмом — замечательная вещь. Игроки ставят на немые черно-белые горячие пленки странного содержания, которое никому еще не приходится в голову квалифицировать как искусство. Вот она, магия кино. Ханжонков уже задумывается о собственных постановках. Демократичный по своей природе

ФОТО: ВЛАДИМИР ВЯТКИН/РИА НОВОСТИ

Хорунжий 1-го Донского казачьего полка А. Ханжонков. 1898

вид творчества вынуждает фантазировать, грезить наяву, играть с причудливой образностью.

Пока что идет работа с чужим материалом. Партнеры снова пускают деньги в оборот. Ош со значительной суммой отправляется в Америку, где рассчитывает приобрести броскую тамошнюю продукцию. Ханжонков же вступает в переговоры с европейцами, что называется, по переписке: денег на визиты в столицы Европы у него нет. Удача тем не менее улыбнулась: лондонская фирма «Гепфорт» присылает образцы своих картин, разрешая оплачивать их по мере распродажи. О, можно представить себе восторг первооткрывателя: он опять сочетает коммерческий интерес с Интересом с большой буквы, раз за разом располагаясь перед белым полотном экрана.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В Киноателье Александра Ханжонкова в Москве. 1916

Эта сделка спасла предприятие от краха. Ведь Ош вернулся из Америки с провальными лентами, от которых московские прокатчики единодушно отказались. Вдобавок притащил с собою шесть не пригодных к использованию комплектов проекционных аппаратов. Зато британская продукция была раскуплена вмиг, а чемпионом проката стала видовая фильма «Нил ночью», снятая с плывущей лодки. Тираж составил невероятные по тем временам 100 копий!

Неравному партнерству пришел конец. Александр Алексеевич окончательно поверил в свою новую звезду и, получив кредиты, основал Торговый дом «Ханжонков и Ко» в здании Саввинского подворья. Летом 1907 года там открывается контора. Осенью появляются демонстрационный зал, киноателье, съемочный павильон. В подвальном помещении хозяин оборудует кинолабораторию для изготовления титров к зарубежным фильмам.

В письме, с которым Ханжонков обращается в Московскую купеческую управу, прося о поручительстве, деловая стратегия разъяснена следующим образом: «...с целью производства торговли кинематографическими лентами, волшебными фонарями, туманными картинками, различными машинами и приборами и другими товарами для фабрикации всех этих предметов».

Прокатывая зарубежное кино, он целеустремленно идет к тому, чтобы организовать собственное кинопроизводство. В том же 1907-м затевает съемку фильма под названием «Палочкин и Галочкин», однако до конца этот проект не доводит. Между тем прокат чужих картин приносит немалую прибыль: постепенно народ, как теперь говорят, подсаживается на синематограф. Множатся, как грибы, прокатные фирмы, строятся кино театры, предпринимаются попытки осуществить связанное, внятное

кинематографическое высказывание собственными, российскими силами.

В конце октября 1908 года выходит на экраны «Понизовая вольница» Дранкова — первый отечественный игровой фильм, с которого мы и ведем отсчет нашего кинопроизводства. Это предельно значимое событие подстегнуло амбициозного и предприимчивого Ханжонкова. Всего лишь два месяца спустя его ателье выпускает «Драму в таборе подмосковных цыган». К великому сожалению Александра Алексеевича, премьера обернулась конфузом: зритель новинку не принял, хотя от «Понизовой вольницы» был в восторге.

«Драма...» полностью снималась на натуре, в Кунцево, где располагался реальный табор. История о любовной страсти, красавице-цыганке, муже и сопернике продержалась в прокате всего три дня, однако никакие частные неудачи остановить безусловного лидера народившейся российской киноиндустрии уже не могли.

Ханжонков работает с невероятной скоростью и продуктивностью. В 1909-м одна за другой выпускаются на экраны такие ленты, как «Песнь про купца Калашникова», «Русская свадьба XVI столетия», «Ванька-ключник». Серьезные театральные актеры пока что брезгуют синематографом, поэтому творческие кадры вербуются из так называемых «народных домов», которые, по сути, предшествовали советским домам культуры. Первый штатный режиссер Ханжонкова Василий Гончаров целенаправленно ищет исполнителей для кино именно там.

Качество человеческого материала, который сосредоточен в самодеятельных труппах, совсем скоро оценят миллионы благодарных зрителей. Таких бесспорных звезд, как Мозжухин, Громов, Пожарский, Чардынин, отыщут во Введенском народном доме в Лефортово. В период с 1909-го по 1912-й

кинофабрика Ханжонкова производит 9–10 фильмов в год. Тематически это экранизации русской классики, народных сказок, песен и романсов.

Первый, в сущности, идеолог национального экранного искусства, впоследствии гений детской литературы, а тогда популярнейший критик Корней Чуковский программно формулирует: «Кинематограф тоже есть песня, былина, сказка, причитание, заговор». Ханжонков хорошо понимает важность концептуального обеспечения пока еще не слишком престижного «волшебного фонаря» и в конце 1910-го выпускает первый номер специализированного журнала «Вестник кинематографии». Позднее еще одно издание, «Синема», станет выходить в Ростове-на-Дону. Наконец, в 1915-м появится знаменитый «Пегас» — журнал, финансируемый Ханжонковым и объединяющий материалы о самых разных, в том числе «высоколобых», образцах современной культуры.

Конечно, рубежным стал 1911-й. В первом российском полнометражном игровом фильме «Оборона Севастополя» Ханжонков выступает как автор сценария и сопостановщик, наряду с Василием Гончаровым. Картина снята по высочайшему соизволению императора, в распоряжение кинематографистов были предоставлены все военные части Севастопольского гарнизона. Задолго до крылатой реплики Владимира Ленина кино становится важной составляющей отечественной культуры, что признает и высшее руководство страны.

Грандиозные батальные съемки тщательно реконструировали события полувековой давности, а завершилась двухчасовая лента смелым художественным приемом: представлены в режиме перечисления реальные герои той поры, постаревшие, но не потерявшие внутренней силы.

В ноябре в Ливадийском дворце императора состоялся премьерный показ, Николай II лично поблагодарил Ханжонкова за колоссальную работу. Потом премьера шла в Большом зале Консерватории в присутствии двух симфонических оркестров, многочисленных певчих, с шумовыми эффектами. Дорогостоящая «Оборона Севастополя» снискала в результате огромный прокатный успех, полностью окупилась и даже принесла немалую прибыль.

Ханжонков не ограничивается игровыми лентами, где блистают Иван Мозжухин, Витольд Полонский и Вера Холодная. Он развивает научно-популярное кино. Вот образцы названий: «Электрический телефон», «Операция костной опухоли», «Получение электромагнитных волн», «Кровообращение», «Глаз», «Пьянство и его последствия». Широко используются диаграммы, изобретательные макеты, мультпликация.

Ему хочется нового, и он совершает очередной производственный подвиг. Прочитав в газете о проживающем в Вильно экспериментаторе Владиславе Старевиче, который придумывает удивительные маскарадные костюмы, Александр Алексеевич, уже очень богатый и крайне занятой, не ленится пригласить провинциального гения в Москву, строит для него отдельное ателье и провоцирует на создание невиданных кукольных картин. «Стрекоза и муравей» Старевича — едва ли не первая русская киноработа, купленная подавляющим большинством западных стран. Впоследствии ее автор станет легендой мировой анимации.

Корифеями кинорежиссуры будут Евгений Бауэр и Петр Чардынин, эмблемами эпохи — Холодная, Полонский и Мозжухин. В начале 1910-х компания Ханжонкова — безоговорочный лидер отечественного кинопроцесса. В 1912-м она преобразуется в акционерное

общество с уставным капиталом 500 тысяч рублей.

Соревнуясь с фирмой «Братьев Пате», которая отметилась новейшим павильоном на Петербургском шоссе, Ханжонков возводит свою грандиозную кинофабрику в Замоскворечье, оснащенную мощными дуговыми лампами. После Октября 1917-го она будет национализирована и на долгие годы станет «1-й фабрикой Госкино», центром нашей кинопромышленности — вплоть до 30-х, когда на Воробьевых горах воздвигнут комплекс «Мосфильма».

Александр Алексеевич построил еще и стильный фирменный кинотеатр в центре Москвы, которому впоследствии присвоили законное имя «Дом Ханжонкова». Широту его наступления по всему синемафронту трудно описать не то что в юбилейной статье, но даже в многостраничной брошюре.

Выехав весной 1917-го в Крым вместе с большей частью сотрудников, организовал там полноценное производство. В дальнейшем это сымпровизированное предприятие стали называть Ялтинской киностудией. Сегодня ее возрождают для новых художественных свершений.

После разгрома Врангеля он уезжает в Константинополь, оттуда — в Милан и Вену. В 1923-м возвращается на родину по предложению «Русфильма», работает в «Госкино» и «Пролеткино». Перебирается сначала в Киев, а потом в Ялту — по состоянию здоровья. Пишет мемуары. Переживает фашистскую оккупацию в инвалидном кресле. Умирает 26 сентября 1945 года.

При взгляде на его фотографии, с которых смотрит умное, волевое лицо, невольно вспоминается крылатое выражение: «Терпи, казак, атаманом будешь». Он и был таковым — удалым атаманом наших первых кинематографических войск. Хотя «терпел» едва ли: кино для сильных, предприимчивых и азартных — дело веселое.

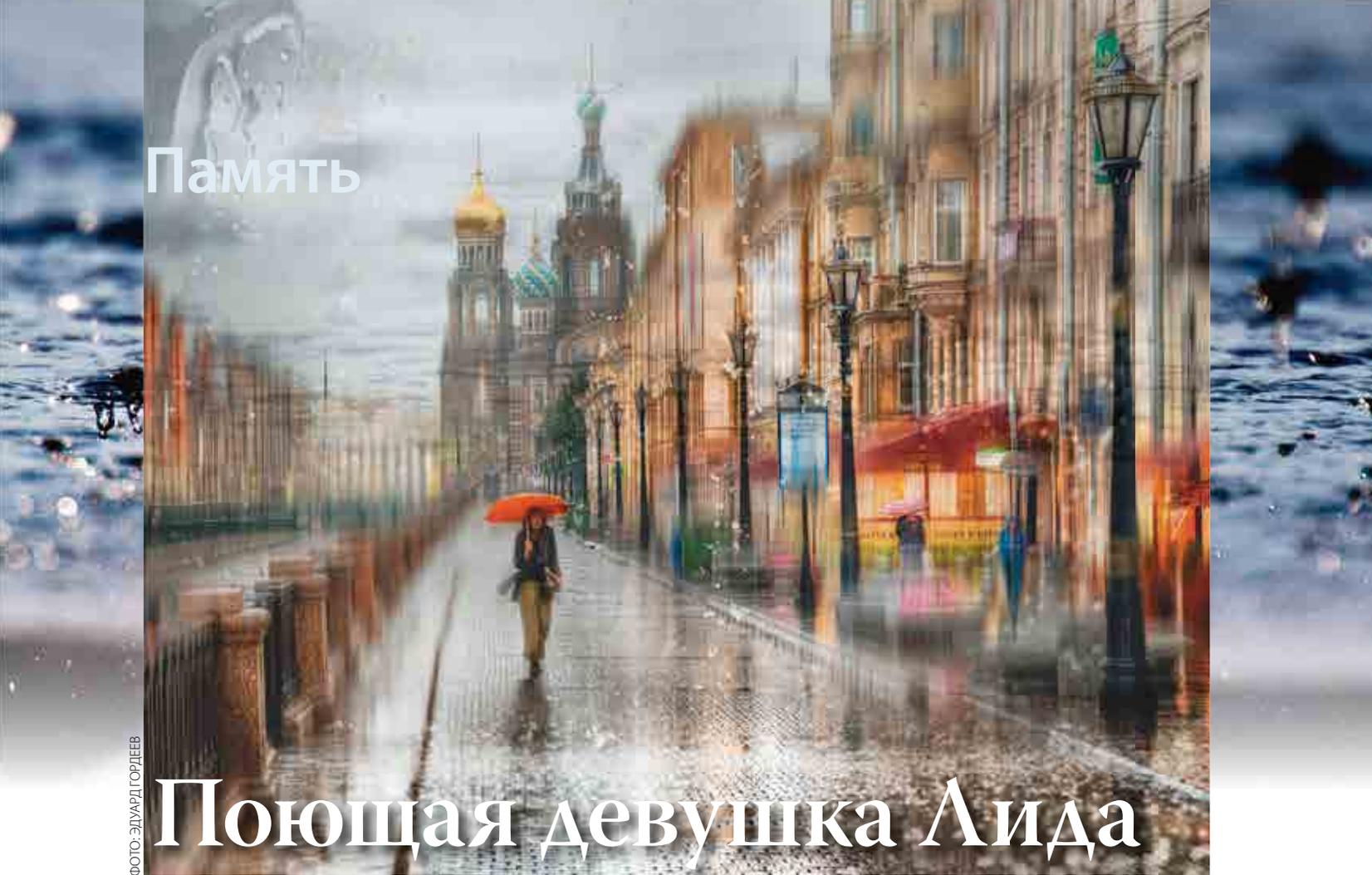
И. Мозжухин

В. Холодная

В. Полонский

Память

ФОТО: ЭДУАРД ГОРДЕВ

Поющая девушка Лида

Андрей Самохин

Когда уходит певица, с нами остается ее голос. Так было и до изобретения средств звукозаписи. Мастерски и душевно поданные песни долго звучали в памяти тех, кто их когда-либо слышал. Лидия Клемент, родившаяся 80 лет назад, могла бы стать голосом целого поколения. Не успела. Однако и сейчас у нее тысячи верных поклонников, в том числе появившихся на свет значительно позже. Далеко не с каждым эстрадным исполнителем такое случается.

«**Я** СПЕШУ, спешу, спешу, спешу за звездой, / Я дышу, дышу, дышу, дышу своей мечтой, / И земных пассажиров с собой я зову — / Я билеты до звезд вам продам наяву!» — пела очаровательная девушка с ямочками на щеках, ясным взглядом голубых глаз, выражением лица, начисто лишенным намека на вульгарность. Произведение композитора Андрея Петрова и поэта Льва Кукулина «Звезды в кондукторской сумке», специально написанное для нее и исполненное перед телекамерами, стало едва ли не первым советским клипом, а вместе с тем — верным шагом к общенациональной известности.

Гагарин к тому моменту уже побывал в космосе, на больших сценах востро красовались молодые модные поэты, в городских клубах удивлял своими романсами Булат Окуджава, а в журнале «Юность» вышла и наделала много шума повесть Василия Аксенова «Звездный билет». Культурная жизнь бурлила, сверкала искрами надежд, завораживала романтикой космических дорог, геологических экспедиций, гигантских новостроек. Из-за «железного занавеса» выглядывала, приманивая юные умы, тень недавно погибшего старика Хэма в грубом свитере. Подмигивала многочисленным обожателям итальянская кинокрасотка Клаудиа Кардинале, восхищавшая потусторонним, импортным обаянием.

Каким-то непостижимым образом ленинградка Лидия Клемент сумела сконцентрировать на себе симпатии молодежи начала 60-х, покорив при этом сердца и более старших поколений. Кроме редкого сопрано, пусть не поражавшего широтой диапазона, зато глубокого, богатого полутонами, на нее работали утонченный облик и просвечивающая сквозь него душа. С одной стороны, это была девушка из толпы, такая, как все, с другой — совершенно особенная, аристократичная. Чуть слышная пряная тембровая горчинка словно намекала на короткую и трагическую судьбу.

Унаследовав необычную фамилию и редкое отчество — Ричардовна — от отца-эстонца, умершего перед войной, она по настоянию отчима пошла в Ленинградский инженерно-строительный институт, чтобы проектировать жилье для сограждан, ютившихся в коммуналах. Но кульман и ватман оказались не для нее. Музыкальная школа по классу фортепиано и хор, где худенькая, стройная девочка занималась еще до германского нашествия, взяли наконец свое. Лида записалась в самодеятельный и тем не менее первоклассный оркестр ЛИСИ под руководством пианиста Наума Темкина, с которым выступала в качестве солистки в домах культуры города на Неве, чаще всего — в ДК им. Орджоникидзе на Васильевском острове. Вскоре певицу

Кроме редкого сопрано, пусть не поражавшего широтой диапазона, зато глубокого, богатого полутонами, на нее работали утонченный облик и просвечивающая сквозь него душа

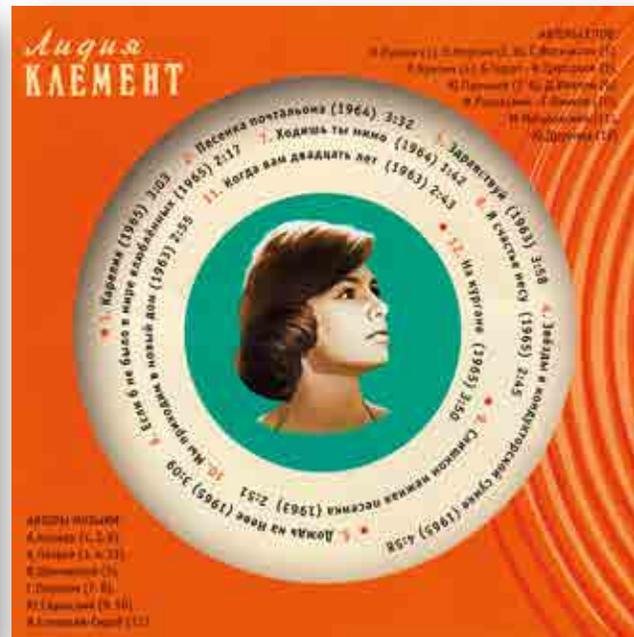
пригласил к себе руководитель оркестра Дома народного творчества Владимир Федоров. Тогда же она познакомилась с будущим мужем, джазменом Борисом Шафрановым. Позже, проработав несколько месяцев по распределению в Ленпроекте, ушла в декрет, а по выходе начала петь на эстраде.

ДК имени Ленсовета, квартет под управлением Румянцева, работавший с Василием Соловьевым-Седым, зарубежные гастроли в Венгрии — промежуточные вехи на пути к славе. Лидию Клемент заметили и оценили мастера самого высокого уровня.

Из самодеятельности на профессиональную эстраду приходило тогда немало ярких исполнительниц: Лариса Мондрус, Майя Кристалинская, Эдита Пьеха.

Благодаря Андрею Петрову, очарованному талантом Лидии, ее голос зазвучал по радио. А затем — с подачи музредактора Ленинградского ТВ, дирижера и композитора Анатолия Бадхена — молодая певица впервые появилась в телепрограмме «На огонек» (ставшей впоследствии «Голубым огоньком») с песней Петрова на стихи Соломона Фогельсона «Здравствуй». Этот дебют в начале 1962-го стал открытием и для телезрителей, и для всего музыкально-эстрадного сообщества СССР.

В сентябре того же года она уже выступала как солистка оркестра

Анатолия Бадхена в ленинградском Театре Эстрады. Композиторы со всей страны наперебой предлагали ей свои сочинения. Петь и жить Лидии Клемент, увы, оставалось менее двух лет...

«Дождь по асфальту рекою струится, / Дождь на Фонтанке и дождь на Неве, / Вижу родные и мокрые лица, / Годубоглазые в большинстве» — немудреные, в общем-то, строки Бориса Гершта и Константина Григорьева, пропеты под музыку Вадима Шеповалова, до сих пор пробирают, чаруют, подкупают каким-то особым, горьковатым ленинградским лиризмом. А «Невский туман» Станислава Пожлакова на слова Сергея Лясова с интонациями Лидии Клемент предвосхищает практически весь будущий мелос питерского барда Евгения Клячкина.

Но, пожалуй, высшая точка успеха, совпавшего с пиком ее всесоюзной славы, — «Карелия» Александра Колкера на стихи Кима Рыжова.

«Долго будет Карелия сниться, / Будут сниться с этих пор / Остроконечных елей ресницы / Над голубыми глазами озер» — эта строфа на протяжении десятилетий звучала из радиоприемников голосами самых разных артистов. Однако то, первое исполнение Клемент стало легендой. В утерянном позже телефильме режиссера Никиты Курихина она пела «Карелию», сидя «на валуне у озера», созданного с помощью стекла, по которому бежали солнечные блики. В финале певица вставала и направлялась в сторону зрителей. При этом ее зеркальное отражение уходило в глубину кадра, как душа, оставшаяся навеки на карельских озерах.

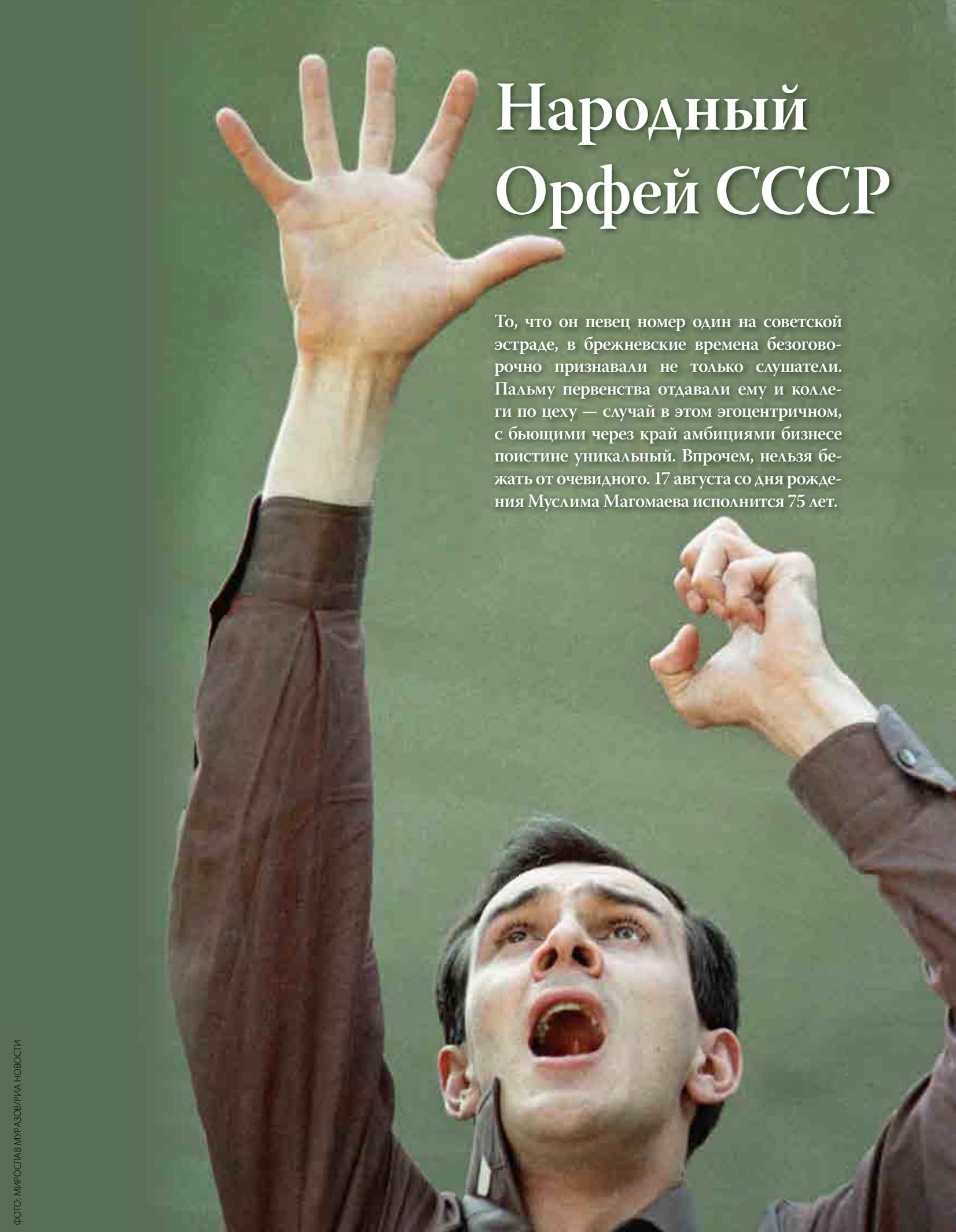
«Осень», «На кургане», «Если б не было в мире влюбленных», «Когда вам двадцать лет» после нее перепевались многократно и порой даже более профессионально. Но того неповторимого сочетания мелодии и

оголенного чувства, скольжения по волнам в некую неизведанную глубину не было больше ни у кого.

Травма маленькой родинки на ноге, не замеченная вначале, привела к саркоме. 26-летняя Лидия Клемент скончалась 16 июня 1964 года, спустя две недели после исполнения на телевидении (уже через дикие боли) своей лебединой песни и совсем незадолго до выхода единственной грампластинки.

В стихотворении на смерть артистки поэт Николай Тарасов выразил чувства немало числа ее поклонников: «Этой женщины нет. Ничего ты, как видно, не понял... Возвращенье к рассвету не в правилах этой игры. Этой женщины нет. Есть холодное черное поле, а душа уместилась на кончике тонкой иглы...»

Народный Орфей СССР

То, что он певец номер один на советской эстраде, в брежневские времена безоговорочно признавали не только слушатели. Пальму первенства отдавали ему и коллеги по цеху — случай в этом эгоцентричном, с бьющими через край амбициями бизнесе поистине уникальный. Впрочем, нельзя бежать от очевидного. 17 августа со дня рождения Муслима Магомаева исполнится 75 лет.

Денис Бочаров

ОБЪЯСНЯТЬ феномен бакинского самородка лишь превосходными голосовыми данными было бы несправедливо. На эту тему изведены десятки тысяч страниц, написаны сотни музыковедческих статей, обронены миллионы слов. Да и вообще рассуждать о столь тонкой и неосязаемой материи, как вокальное искусство, — занятие неблагодарное. Хороших певцов надо просто слушать. Магомаев же всей своей сутью и статью выходит далеко за условно очерченные рамки. Он правил бал в тот период, когда слабых вокалистов — по крайней мере, официально концертировавших и записывавшихся, в СССР не было. Мы и сегодня без труда навскидку назовем десятка два его выдающихся современников, трудившихся на тернистом поприще эстрадной песни. И хотя Магомаев действительно пел, что называется, во весь голос, секрет успеха заключался не только в особенностях диафрагмы, диапазона и тембра.

Бытует негласное мнение: лучшие музыканты — люди, как правило, неизвестные. И впрямь легко предположить, что многих замечательных артистов мы не знаем и не услышим о них, наверное, никогда. Однако подавляющему большинству убежденных меломанов до этих самых непризнанных гениев дела нет — артист должен найти путь к слуху и сердцу. Подлинное искусство, особенно популярно-певческое, должно обрушиваться на нас, как летний ливень. Расхожий некогда девиз «Алло, мы ищем таланты» обыкновенно являлся всего лишь элементом околмузыкального агитпропа, практика же показывала: не мы их искали — они находили нас. И эту непростую школу жизни Магомаев прошел от и до.

Зная, каких вершин он в итоге достиг, трудно представить: было время, когда к его дарованию относились в худшем варианте с безразличием, а в лучшем — со снисхождением. Мус-

ФОТО: ВЛАДИМИР ФЕДОРЕНКО/РИА НОВОСТИ

С.Т. Сияяской. 2002

С А. Пахмутовой
и Р. Рождественским. 1972

ФОТО: PHOTOPRESS

лим Магометович так вспоминал о первых серьезных попытках обратить на себя взоры: «В Баку приехал Большой театр, эталон нашего оперного искусства. Вот и случай, решили мои покровители, представить меня на суд «небожителей». Руководство нашего Бакинского оперного театра заручилось согласием одной маститой певицы прослушать меня. Ее авторитет тогда был для нас несомненен. Терзала меня примадонна и так и сяк: и то спойте, и это, попробуем распеться, а теперь арию... Аккомпанировал я себе сам. Если номер был посложнее, за рояль садился концертмейстер. Я спел куплеты Мефистофеля из «Фауста», каватину Фигаро из «Севильского цирюльника», неаполитанские песни. Пел часа полтора... Никакого отклика. Каменное лицо. «Спасибо, молодой человек. Вы куда погуляйте, а мы тут побеседуем с товарищами». Беседа затянулась. Наконец вышла наша стихийная комиссия с опущенными носами. Не понимая, что происходит, я подошел к солисту нашего театра Буниятю-заде, великолепному баритону, который всем тогдашним баритональным знаменитостям сто очков вперед давал.

— Дядя Буният, что она сказала?

— Ничего не сказала. Носитесь, говорит, с ним, а ничего особенного. Мальчик с хорошим голосом, и не больше...

Да, подумалось мне, старики, мастера — они все-таки странные. Впрочем, я тогда уже все знал: и про тех, кто меня судил, и про то, как судил себя я сам».

Пожалуй, эта последняя фраза — ключ к разгадке магомаевского феномена. Будучи беспристрастным судьей и «палачом» для самого себя, Муслим с юных лет усвоил: раз всем поголовно нравиться невозможно

(да и ни к чему, наверное), то не стоит угадывать настроение аудитории и во что бы то ни стало стараться ей угождать. Она должна смотреть на артиста снизу вверх, а не наоборот. Магомаев никогда не заигрывал с публикой, не жонглировал имиджами. В то время как одни сопровождали сценический перформанс обворожительной улыбкой и нехитрой жестикуляцией, другие пытались покори́ть слушателя подчеркнуто пафосной героикой, а третьи просто эксплуатировали ранее завоеванный авторитет, он никаких «фишек» не придумывал. Целостный и колоритный, но притом на удивление разноплановый, Магомаев в дополнительных средствах самовыражения не нуждался.

Публика боготворила его не только за умение одинаково безукоризненно — в плане вокального мастерства — исполнять заливчатское «Чертово колесо», проникновенную «Мелодию» и напористых «Героев спорта». Но прежде всего за те энергетические импульсы, которые приборами не измеришь. Магомаев, не прилагая осознанных усилий, добивался уникального эффекта: зрители всецело растворялись в атмосфере концерта, всегда оставаясь при этом несколько поодаль. Артист не выстраивал барьеров между собой и залом и в то же время не допускал ни малейшего намека на фамильярность, будь то по отношению к себе, слушателю или самой песне. Его облик — элегантный, высокий, стройный красавец, величественная осанка, строгий, с иголочки костюм, пронзительный орлиный взор — неизменно был исполнен чувства собственного достоинства, не переходившего в надменность. А подкрепленные чарующим бас-баритоном эти качества производили и вовсе ошеломляющий эффект.

Поэтому второго Магомаева нет и быть не может. И тому есть еще одно объяснение. В отличие от подавляющего большинства современных так называемых звезд, Муслим Магометович был безумно влюблен именно в эстетическую, а не в материальную сторону дела своей жизни. Окидывая взглядом пройденный творческий путь, певец не без ностальгии, к которой примешивалась заметная нотка горечи, отмечал: «Во времена нашего детства деньги не возводились в культ. Это сейчас у нас и по телевидению, и по радио, и в прессе постоянные разговоры о деньгах. И ты с ужасом понимаешь, что это становится нормой жизни. В нашем тогдашнем, пусть и далеком от совершенства, обществе говорить с утра до вечера о презренном металле считалось дурным тоном. Точно так же мы считали неприличным прилюдно ткнуть, скажем, в плохо одетого мальчишку и брезгливо фыркнуть: «Фу, оборванец»... И дело было не в том, что все мы были тогда беднее, а значит, как бы равны, и тот, кто бедным не был, старался скрыть этот свой «недостаток», — нет, просто все мы были тогда приучены к другому. В том, что говорилось и делалось нами, было больше души».

На семи холмах

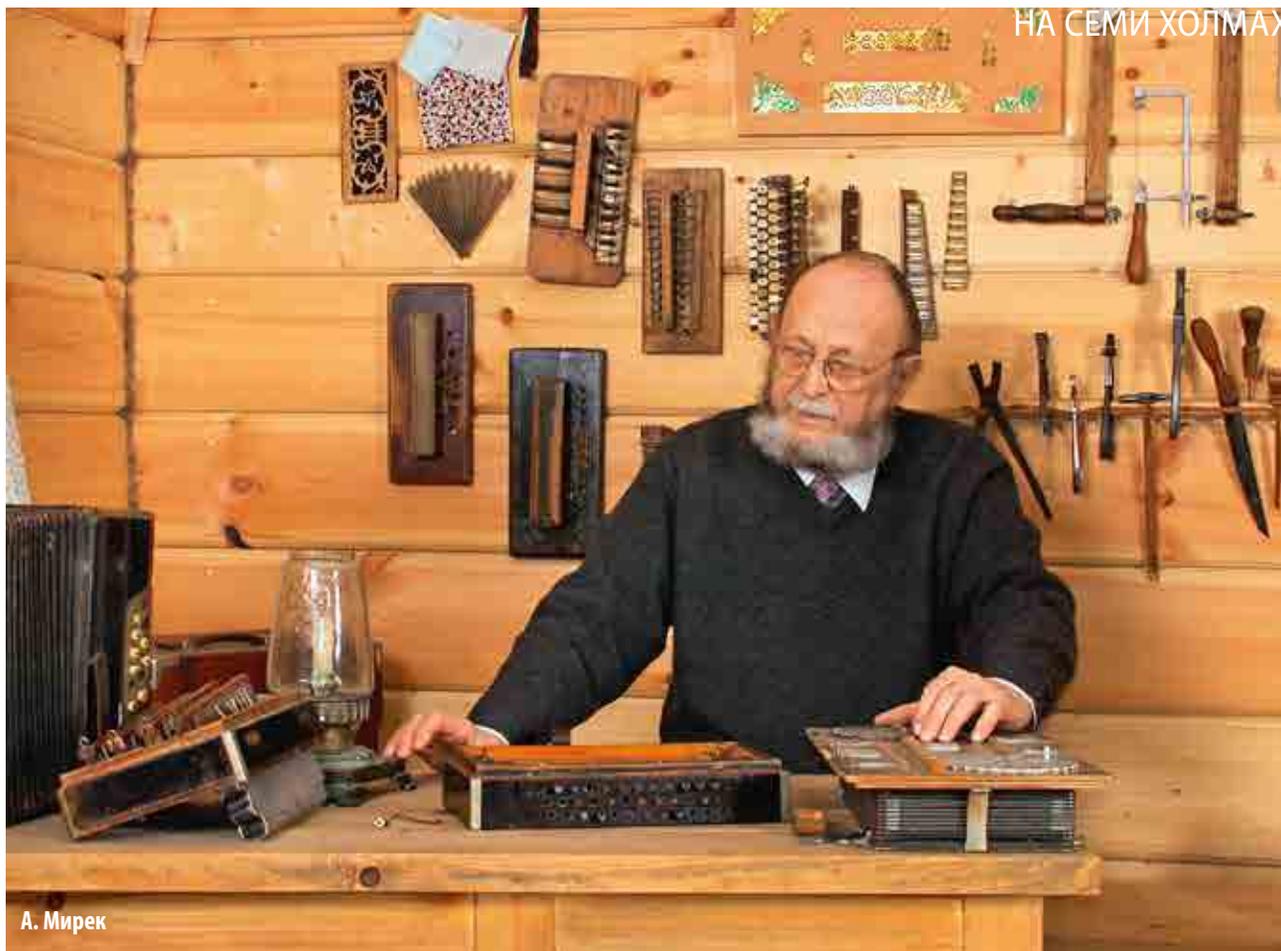

По Тверской-Ямской, да с гармошечкой

Ольга Марьяновская

Двадцать лет назад единственный в России Музей гармоник стал государственным. А возник он давно, существовал первоначально в виде частной коллекции. Его создатель — самобытный музыкант, ученик Елены Гнесиной, доктор искусствоведения, профессор Альфред Мирек.

СУДЬБА этого всесторонне одаренного человека была крайне непростой. Как сын врага народа он даже провел два года в местах, не столь отдаленных. Но любовь к музыке и начатому делу оказалась сильнее трудностей и невзгод. По выходе из лагеря Альфред Мартинович самостоятельно освоил игру на аккордеоне. В то время, в 1940-е, не было нужных ему пособий, и он написал, сначала для себя, хороший самоучитель, который впоследствии был издан миллионными тиражами и разошелся по всему миру. Как вспоминает его вдова, а ныне директор Музея русской гармоники Наталья Мирек, послания с благодарностью автору приходили с самых разных уголков земли. «Альфред-ага, я научился играть по Вашему самоучителю», — признавался ему в письме житель одной из далеких арабских стран.

А. Мирек

Тогда же Мирек стал изучать историю аккордеона. Мотался по городам и весям, собирая редкие инструменты и архивы. Позднее, когда стало возможно, установил контакты с зарубежными музыкантами и музеями. Коллекционер был ко всему прочему талантливым ученым-исследователем, создал схему-родословную гармоники, принятую теперь во всем мире. Написал несколько исторических книг.

Постепенно сложилась уникальная во всех смыслах коллекция, которую даже зарегистрировали в каталоге ICOM ЮНЕСКО. Вначале музей находился в подмосковном Софрино, потом — на консервации — в обычной московской квартире. Друг Мирека Юрий Никулин ходатайствовал перед правительством Москвы о выделении площади для постоянной экспозиции, и в итоге было предоставлено помещение на 2-й Тверской-Ямской, где она находится по сей день.

В 1997 году Альфред Мартинович принял решение подарить свое собрание Москве — к 850-летию города. Он понимал, что статус государственного даст музею новую жизнь, сделает его национальным достоянием, откроет двери для широчайшего круга зрителей.

В своих научных трудах Мирек доказывает, что первая в мире гармоника была изготовлена в России: изначально Франтишек Киршник сделал необычного вида настольный инструмент для настройки ор-

гана. Это первенство оспаривает у чешского мастера голландский акустик, создатель говорящей машины Христиан Готлиб Кратценштейн. Оба иностранца работали в Санкт-Петербурге в одно время и наверняка были знакомы. Киришник открыл новый принцип звукоизвлечения — с помощью металлического язычка, колеблющегося при движении воздуха. Так появилось и стало развиваться семейство язычковых музыкальных инструментов. Сначала гармоника была почти исключительной принадлежностью дворян, а ее звучание напоминало органную музыку. Сохранились воспоминания Андрея Тургенева о том, как играла народные песни на настольной гармонике графиня Авдотья Свечина. Реконструкция этого инструмента находится в экспозиции. Представлен здесь и подлинный экспонат — популярная фистгармония французского мастера Александра Франсуа Дебена.

Знакомая всем ручная гармоника впервые была изготовлена в Германии и получила распространение в России в середине XIX века, когда ее аналоги стали делать тульские мастера. В музее хранятся первые, еще довольно примитивные, образцы ручной работы и значительно усовершенствованные инструменты более позднего времени.

В России, как известно, гармонь чрезвычайно популярна. Ни в одной стране мира не создавалось столько разнообразных ее моделей. Таковых у нас бо-

лее шестидесяти, в то время как, например, в Италии всего две-три. Это связано с тем, что наша музыкальная культура в основном была хоровой, искусные мастера по этой части были наперечет, и за гармони брались любимые ремесленники — оружейники, печники.

«Уголок мастера» посвящает зрителей в секреты подобного производства. Умельцы приспособляли инструменты под напевы родных мест, поэтому возникло множество разных по звучанию и внешне-му виду гармоник. Порой музыкант, владевший ливенкой, не мог сыграть на саратовской — считалось особым шиком освоить и ту, и другую, а если подвернется, то и какую-нибудь третью... В одном из залов можно увидеть фотографии гармониста рядом с горкой гармоник, на которых он играл по очереди, показывая свое виртуозное мастерство.

Два десятка лет музей находится в ведении департамента культуры Москвы. До июня 2017-го он входил в объединение «Музей Москвы». В этом году произошла реорганизация, и по решению департамента Музей русской гармоники А. Мирека стал отделом Музея Александра Скрябина. А вскоре все столичные музыкальные музеи образуют свое особое объединение.

Рассказывает Наталья Мирек:

— У нас не просто музей. Наши экспонаты звучат, а экскурсии в большинстве своем неплохо владе-

ют инструментами. Регулярно проводим концерты, поддерживаем связи с известными музыкантами, играющими на гармонике, баяне, аккордеоне, — как в России, так и за ее пределами. Планируем воссоздать подлинную манеру исполнения эпохи конца XIX — начала XX века. Сегодня видим множество стилизаций, а ведь русская исполнительская культура, связанная с пением под гармонику, была очень высокой. Хотим восстановить это искусство — в противовес ширпотребу а-ля рюс, развенчать миф о том, что деревня всегда была дружна с пьянством, что там сплошь грубость и бескультурье. Многие народные песни весьма целомудренны, а в старину под гармонь пели духовные стихи. К примеру, «Коробейники» известны ныне лишь наполовину, и это искажает содержание песни:

*На Покров домой приду
И тебя, душа-заснобушка,
В Божью церковь поведу...*

То, что принесли 1920-е, русскому народу чуждо. В дореволюционной России не было пошлых и блудных песен. Во время наших экскурсий видим, как радостно становятся в хороводы дети и подростки, как они играют в традиционные игры. Им у нас по-настоящему нравится. Для этой аудитории в музее много развлекательных, познавательных и духовно-просветительских программ. Отмечаем православ-

ные праздники. Есть игровые программы: «Не все коту масленица» с гармонистом в костюме кота, «Конфетки-бараночки» — мастер-класс по кадрили, «Лето красное» с рассказом о народных традициях и музыкальных играх XIX века, «Фестиваль музыкальных язычков» с квестами и кроссвордами, мастер-классы по пошиву русского народного костюма и созданию кукол.

Чтобы завладеть детским вниманием, нужна искра. Скучный экскурсовод с указкой не сможет донести того, о чем важно знать подрастающему поколению. Концертный зал музея вмещает до сотни человек. У нас есть два музыкальных коллектива — фольклорный и дуэт аккордеонисток, исполняющих эстрадные мелодии разных стран. Здесь можно прослушать коллекцию старинных звукозаписей. В общем, работаем по принципу живого музея.

Готовим к изданию книгу «Русская гармоника» — научный труд, написанный популярным языком. Участвуем во многих проектах департамента культуры Москвы — в днях исторического и культурного наследия, «Ночи музеев», «Ночи искусств», фестивале «Интермузей». Занимаемся программами: Олимпиада «Музеи, парки, усадьбы» и «Всей семьей в музей».

При поддержке столичного правительства совместно с храмом Успения Богородицы в Путинках и Клубом во имя святых Петра и Февронии организуем ежегодно 8 июля в саду «Эрмитаж» праздник «Сердца любовью зажгите!». На этот раз планы

особенно интересные и насыщенные: концерт с участием известных артистов, показ трех коллекций реконструированной народной одежды, мастер-классы для детей и взрослых по гончарному ремеслу, изготовлению букетов, вышивке, вязанию платков и другим ремеслам.

12 июля там же, в «Эрмитаже», пройдет молодежный «Ромашковый бал», где все будет по-нашему, по-русски. Ведь главная цель работы музея — возрождение исконной культуры, воспитание молодых людей в лучших национальных традициях.

Конечно, мечтаем о большей площади для экспозиции, об особнячке с вместительным концертным залом и пространством для сменных тематических выставок.

Альфред Мирек организовал в свое время Московский международный фестиваль «Гармоника — душа России», который ежегодно проходит в музее и на столичных концертных площадках. Там, как правило, представлена вся палитра русских региональных гармоник, звучат язычковые и другие инструменты, присутствует жанровое многообразие. Когда-то Альфред Мартинович выступал в Концертном зале им. П.И. Чайковского как аккомпаниатор ансамбля Моисеева. В 2003-м он впервые вышел на сцену уже в качестве автора этого музыкального и культурно-просветительского проекта.

В ноябре 2017 года состоится наш пятнадцатый фестиваль. Также отметим двадцатилетие открытия государственного Музея русской гармоники и 95 лет со дня рождения его основателя.

В угодьях Бориса и Глеба

Михаил Булгаков

Б ОРОДАТЫЙ охотник наотмашь стегал Олега Лукина вожжами по мягкому месту и смачно приговаривал: «Опять красного зверя протравил! Не спи на лазу, цунятник, не спи на охоте, раззява! Каки-таки часы тебе нужны, чтоб ты очнулся, когда надоть? Накось, держи. Держи, говорю!» — свирепый мужик совал мерзко дребезжащий будильник в самое ухо Олегу до тех пор, пока тот не открыл глаза.

Пошарив в темноте рукой, Лукин включил настольную лампу и на всякий случай приспустил трусы, посмотрел, нет ли на теле рубцов от вожжей. «Ох и строгий ты, Феопен», — улыбнулся Олег, поднимая с пола раскрытую книгу Егора Дриянского «Записки мелкотравчатого» — библию псовых охотников XIX века.

Хозяин домика, где ловчий Феопен всю ночь лупцевал Олега, еще вчера уехал по делам в Воронеж, радушно предоставив гостю в одиночное распоряжение деревенские хоромы. Сени-кухня и светелка ничем не выдавали пристрастий хозяина, зато в спальне стену у широченного дивана-раскладушки почти целиком занимала лосиная шкура, увенчанная изящной головкой косули.

Спальня была вовсе не маленькой, коли в ней нашлось место для резного комода из гарнитура Собакевича и журнального столика. Уже самый вид бабулькиных ковриков в полоску

согревал босые пятки, и, увы, никакого тепла не исходило от чужого в воронежской избе камина. В один из углов уткнулась хрупкая этажерка с книгами и стопками журналов, и их названия окончательно выдавали в хозяине не только любителя уюта, но и заядлого охотника-книгочея. Рядом с надменно-холодным камином весело белела печь, а подле нее — вместительные корзины с истекающими янтарем сосновыми поленьями. На дворе стоял ноябрь, но натопленная с вечера печь еще не остыла — природа жадничала, сберегая мороз и снег до зимней поры.

Приглушенный скрип половиц под ковриками, вид из оконца на темную улицу с колодцем-журавлем — все отвечало представлению горожанина о сонном деревенском укладе. Идиллию не нарушали и пришельцы из города: сыто урчащий холодильник и шипящая голубым газом плита. С одной стороны от нее стоял красный от натуги баллон-толстяк, а по другую темнел кованый, возбуждающий нездоровое любопытство сундук. Бог мой, Олег уже сто лет не видел настоящего сундука!

И вся эта прелесть: домик охотника, безлюдная улица с рядами голых тополей-великанов, сама деревня с просторными усадьбами-задами, — все это называлось ядреным словом Хренищи. О родине орловских рысаков селе Хреновом слышали многие, а о деревне куда как с более звучным именем вряд ли. Лукин даже подумал о том, что хренищевцы, пожалуй, испытывают извечную зависть к хреновчанам, к их всемирной хреновской славе.

Так получилось, что Олег, полюбив охоту с детства, отдал ей много лет, но оставался лесным охотником. Не то чтобы он был незнаком в других охотах, но по степи с ружьем никогда не скитался. В Подмосковье, где он жил, Олегу не однажды доводилось быть свидетелем гоньбы за зайцем или лиси-

цей, друзья держали гончих и борзых собак, но по необъяснимому стечению обстоятельств охота с ними проходила как-то стороной от Лукина. И вот впервые в жизни подвернулся случай окунуться в самую гущу охоты с гончими, да еще в былинных, святых для этого местах. Ради такой возможности можно по-русски наплевать на якобы срочную работу и... на многое можно наплевать ради рысаков и лисиц.

Во время вчерашней «глубокой» разведки, многочасовой поездки по Воронежской губернии Лукин жадно всматривался в бескрайнюю степь, квадраты и прямоугольники распаханной земли. Он до рези в глазах пытался разглядеть в рукотворной геометрии природную красоту, то, о чем некогда читал взахлеб: какие-нибудь Мамоновы пустоши, Заварзинские займища и бурьяны, Лукояновские соры. А куда подевались Отраденские острова вместе с Татарской кручей? По этой земле полтора века назад колесила развеселая компания псовых охотников из «Записок мелкотравчатого», здесь «жил и работал» легендарный ловчий Феопен. Ладно, пусть не именно в Хренищах, но и никак не в соседнем колхозе. Да какая разница — где. Нашему охотнику и сто верст не крюк.

Ценитель достопримечательностей встретит их в воронежских краях немного, вернее, памятных мест хватает, но слишком они разметаны, слишком велики расстояния между ними. Воронеж-то изрядно напичкан старинными зданиями и историческими событиями, тут тебе и скульптурные портреты знаменитых земляков Кольцова, Бунина, Платонова... А за пределами губернского города можно ехать и десять километров, и тридцать, и никаких памятников нет как нет — степь да степь кругом, до самого Приазовья.

Олег Лукин немножко, совсем по-любительски, интересовался

историей и перед поездкой кое-что разузнал из прошлого, уделив особое внимание охоте. О, здешние земли всегда кишели зверем! А раз так, значит, и ловец тут как тут. Поколения охотничьей рати нарождались и уходили в небытие, но обрывки легенд, имена самых ретивых охотников все же дошли до наших дней. Скажем, светлейший князь Петр Васильевич Лопухин владел громадной псовой охотой и так страстно был привязан к собакам, что в смертный час молил своего сына беречь, как брата, борзого кобеля Прозора. О животноводческих опытах графа Алексея Григорьевича Орлова что и говорить. Деньжищ у его сиятельства было столько, что хватало не только на большой конезавод, оставалось еще и на собак, оттуда вышло несколько фамильных пород борзых.

Проснувшегося Лукина борзые не занимали, сейчас он поглядывал в окно, ожидая трех местных охотников, приятелей хозяина дома. «Пораньше надо сорваться в поле, — говорил вчера Борис, самый старший из гончатников, ладный мужик лет сорока, — по сырому собакам легче работать». Борис производил впечатление человека спокойного и рассудительного, и его уверенность в предстоящей охоте передалась Олегу, ему нравились немногословные люди, с ними всегда надежнее, чем с восторженными болтунами.

Управившись с завтраком и сборами в двадцать минут, Лукин услышал, как к дому подъехала машина, и вышел на двор. Охотники в современной амуниции против своих лапотных предков иногда выглядят настоящими инопланетянами, но обличье гончатников почти не изменилось, ну, может быть, кто-то нацепил резиновые сапоги, а только пахота бороздить все равно лучше в кирзачах — не так ноги намнешь. Однако время берет свое, и сегодня охотники вместо телег и кибиток носят по дорогам на автомобилях. Вот и Лукин втиснулся

в «Жигули», и машина покатила по деревне. Какое-то время Олег испытывал чувство неловкости среди малознакомых людей, но в кругу соратников всегда есть о чем поговорить: далеко ли ехать, где надо прихватить собак.

— А они уже здесь, в багажнике сидят, — ответил Борис.

Вот как! А Лукин все стеснялся спросить, что это за странный запах в «Жигулях» и откуда он взялся — не со скотного ли двора доносится? Жутковатый аромат псины густо висел в салоне и бесцеремонно лез в ноздри — лишь охотники способны терпеть зверский дух и при этом вести непринужденную беседу.

Собачки вели себя смиренно, тихо-хонько, словно голубки, разве что ласково не ворковали. Дрыхнут, что ли?

— Как же, будут они спать, — усмехнулся Борис. — Они уже с утра начали дрожать, как только я из дома с ружьем вышел. А сейчас, поди, уже не дрожат, а трясутся, охоту ждут. Погоди, еще услышишь, как они ворковать умеют, вату готовь в уши, не то оглохнешь.

Через полчаса, когда уже порядочно рассвело, «Жигуленок» свернул с асфальтированной трассы и лихо помчался по проселку, а дальше полевыми дорогами вдоль похожих друг на друга лесополос, пока не затормозил на плоской вершине огромного холма. Выйдя из машины, Лукин с любопытством вертел головой, не веря, что здесь-то и предстоит гонять зверя. На обширном пологом пространстве, напоминающем порыжелый в предзимье газон в северном английском графстве, росли пузатые сосны, каких Олег никогда раньше не видел. Без привычных для молодых деревьев макушек-свечек, с нижними ветвями, стелющимися у самой земли, они топорщились пучками длиннющих толстых иголок, настолько густых, что иные сосны напоминали здоровенные зеленые шары. Они будто бы случайно лежали на гладком склоне и вот-вот могли скатиться к подножию холма. Никакой другой растительности, даже маломальских кустиков или бурьяна, на холме не было — только кем-то раскиданные шары-сосны. Впрочем, с двух

сторон света вдали все же просматривался лес — и березовый, и хвойный, из обычных сосен.

— Мы что, уже приехали? — растерянно спросил Лукин. — Откуда в этом парке зверь, какие же здесь могут быть зайцы?

— А вот мы сейчас узнаем, какие, — отозвался Борис, выпуская гончих из тесного багажника-темицы на волю. — В основном у нас все русаки мерные — по полпуда, но здесь живут помельче — килограммов по восемь.

Задетый тем, что его привезли гонять «мелких» русаков, неостроумный Лукин разглядывал собак. Гончаков было три: рослый англорусский выжлец Баян и смычок костромичей-однокорытников: Пройдоха и Голубь. Все трое и в самом деле дрожали от возбуждения и, широко открывая судорожными зевками пасти, изо всех сил лезли из ошейников.

По словам охотников, первоосенник Баян шел за зайцем неохотно, поэтому его уважительно величали красноногом, хотя лисицу из-под него никто не брал. У Борисова выжлеца Голубя была еще и

вторая кличка, так что охотники называли обоих — хозяина и собаку — «Борис и Глеб» и говорили примерно так: «Борис и Глеб нынче на охоту собираются? Куда это запропастились Борис и Глеб?» Борис на это не обижался, а Голубю-Глебу подобное обращение явно нравилось, потому что всегда ведь приятно, когда твое имя упоминают рядом с хозяйским. Олег Лукин ожидал, что его новые друзья станут обсуждать план охоты, но Борис неопределенными жестами, молча, указал всем направления, а сам вместе с гончаками побрел по «английскому газону».

Поначалу Олег следил за ползком гончих, но скоро потерял их из виду. Через несколько минут тонко тьякнула Пройдоха, немного погодя подал голос Голубь, и смычок зарко погнал русака. Чуть позже далеко в стороне помкнул зверя и Баян. Сейчас Олег забыл, а когда-то помнил, что в одном из прочитанных рассказов автор сравнивал охоту с гончими с красиво разыгранной шахматной партией. На деле ничего похожего не было и в помине. Какие там шахматы, если сразу после дебюта — напуска гончих — все фигуры кинулись в рассыпную: заяц и поспевающие за ним Пройдоха с Голубем-Глебом в одну сторону, красногон Баян, наткнувшийся, похоже, на след лисицы — в другую, а охотники, обрезая заячий круг и лисий ход, разбежались веером. «Шахматная доска» опустела, осталась лишь одна фигура — автомобиль.

Лукин спешил к назначенному месту, на стык «газона», березовой рощи и сосновой лесополосы. Краем уха он слышал, как лисица утягивала за собой Баяна в свою родовую вотчину — многокилометровый овраг с множеством вершин и отверстков, изрытых норами. Морочила ли она голову молодому выжлецу или уже понорилась — бог весть. Но еще оставался смычок из надежной Пройды и Голубя. Выжловка ровно, без ско-

лов вела косога, и Лукин не сразу, но все же угадал направление гона и поспешил наперерез. Выбежав на развилку дороги, он замер у ближайшего дерева и прислушался. Собаки сладились: на высокий дискант Пройдохи с тонюсенькими взвизгами, напоминающими звуки уключины, ритмично, словно удары большого барабана, накладывался густой бас Голубя-Глеба.

Близилась не только голоса гончих, наступали решающие мгновения гона. Олег уже вошел в тот возраст, когда охотничья страсть из призывной, зовущей в поход музыки превратилась в обрывки разных мелодий, окрашенных не всегда уместными оттенками нежности или взрывными пассажами с привкусом восторга. Голоса гончих вдруг тронули в нем новые струны, об их существовании он и не подозревал. Никаких чудес Лукин от этой охоты не ждал, он уже давно не верил в сказки: во всякие рождественские елки, царевну-лягушку и машину времени, но сейчас ему захотелось встретиться со старым Феопеном, потолковать по душам, и ничего странного в этом желании Олег не ощущал.

Сквозь жидкую посадку был виден уходящий из-под ног склон холма, а еще дальше на многие версты — пашня, пашня, все как на ладони. Вряд ли двести или сто лет тому назад псовые охотники польстились бы на эти лысые поля, но Олег почувал, что место, где метнули гончих и где он сейчас стоял, крепко пахло зверем.

Пройдоха парато вела зайца, но тот вдруг стал выкидывать фортели, словно и не собирался «замыкать свой круг». Олег, слушая истошный зарев выжловки и мужественный бас Голубя, улыбался и пытался представить, как гончие, уткнув морды в горячий след, спешат за русаком. Вылезет косога, непременно вылезет на дорогу, непременно вылезет на дорогу, остановится, наострит уши и оглядится: куда дальше путь дер-

жать, как отвязаться от настырных горлопанов? У Лукина даже появилась уверенность, что заяц выкатит прямо на него, вон в тот прогал. А пока... пока Олег от нечего делать обернулся назад, но ничего необычного не увидел: повисший на кусте клочок выцветшей газеты, шагах в тридцати высокий пенек, чуть подальше — вороха заготовленного хвороста. Когда сообразил, что никакого пня посреди наезженной дороги быть не может, заяц-пень увидел человека и ошпаренно метнулся в овсяницу по направлению к спасительному лугу. После дуплета косога надал еще пуще, и его темная спина, помелькав в траве, исчезла.

Олег, переживая неудачу, начал скрупулезно считать шаги и измерять дистанцию выстрела. Картина даже для начинающего стрелка выходила неприглядная. Опасаясь случайных свидетелей позора, Лукин стал боязливо озираться, словно из леса к нему подкрадывался Феопен с сырмятными вожжами.

Неподалеку уверенно бухнул выстрел. Мимо Олега с голосом пролетели Пройдоха с Голубем и скоро захлебнулись в победных воплях. Лукин, понурив голову, поплелся на чужой пир, но, как назло, по дороге не попало ни кочки, ни коряги, ничего, что можно очень сильно пнуть ногой.

Утробно рычащая Пройдоха с остервенением полоскала матерого русака, упершись в него передними лапами, потом, схватив зубами, подбрасывала его вверх и, поймав на лету, весело падала в обнимку с ним на землю. В дело вступал Голубь-Глеб, и представление повторялось заново. Борис, не сдерживая себя, радовался ужимкам своих любимцев: «Так его, Пройдочка, так его, Голубь, знай наших! А не будешь, косога, ушами хлопать, не зевай, ходи прытче! Так его, лобана, собаченьки...»

— Восьмикилограммовый? — спросил Олег чужим голосом.

— Почти. Видать, брат его меньшей, — отозвался Борис, но, взглянув на Лукина, осекся. — Крепко же ты его зацепил, еле ковылял, считай, готовый инвалид был, пришлось добить, ну, в общем, чтобы того... не мучился. Уймись, Пройда, будет тебе чужую добычу трепать!

Лупоглазый русак, сгорбившись, неподвижно лежал на боку и мощными серебристыми ляжками укрывал беззащитно-белое брюхо, — охота закончилась, ушла, осталась добыча.

Вернувшись с гастролей одинокий певец Баян, быстро оценил результат охоты и, не глядя на победителей, деловито обнюхал, пару раз куснул и облизал кровянистую русачью морду. А вот о своих похождениях умолчал, мол, сами догадывайтесь, вы, чай, люди с понятием, охотники.

Собравшись у машины, гончатники не без труда упрятали отчаянно брыкающихся гончаков в багажник и поехали брать еще одно поле. «Тут недалеко, километров десять-двенадцать в сторону Борисоглебска».

Летопись гласит, что город этот возник при царе Алексее Михайловиче «для береженья от беспокойных крымских, азовских и ногайских людей, а то оные прохаживали изгоном и те все места воевали, людей побивали и в полон служивых и всяких людей имали». Спустя столетия Олег и его товарищи сполна испытывали мудрость царского решения и совершенно не опасались, что их будут «имать беспокойные крымские и азовские люди». Заложенный некогда город неспроста нарекли именем святых Бориса и Глеба, сыновей равноапостольного Владимира Святославича, главных заступников земли русской.

Сухими осенними днями езда по здешним проселкам не лишена удовольствия: машина идет мягко, летняя пыль давно куда-то улетучилась, в салоне не жарко и не холодно. «Жигуленок» лихо бежал

по-над саженым лесом, опоясывая жирно блестящие зелены, черную пахоту и серое жнивье с хрусткими огрызками подсолнухов. Лес, постепенно светлея, вытянулся лесополосой, но скоро и она сошла на нет, открыв дивную картину: «среди долины ровныя на гладкой высоте» меж снежных облаков плыл бело-голубой храм о пяти главах-парусах неземной красоты. Как такое можно не заметить, проехать мимо, не остановиться?

Даже вблизи, у самых ворот из узорного чугуна не исчезало ощущение небесной легкости и вырастающих за спиной крыльев, хотя смотреть на храм лучше снизу. Что толку воспарить на небо и оттуда увидеть плоскую серую землю со светлым пятном.

Церковь была новехонькая и благоухала свежестью. Вряд ли можно найти более воздушное и возвышенное сочетание цветов, чем белый с голубым. Колокола уже вознеслись в поднебесье, на колокольню, но их час еще не пробил. В пустом храме высились леса, уже не строительные, а для росписи плафона и стен. Почему-то захотелось, чтобы изограф непременно написал житие князя Владимира и его безвинно убиенных сыновей Бориса и Глеба, чтобы их присутствие в храме стало опорой надежного покоя, какой испытывают младшие дети в больших и дружных семьях. Но сейчас здесь царила гулякая прохлада, сквозь прозрачные стекла внутрь сочилась потоки чистого осеннего света. Оставалось набраться терпения и ждать — год, десять, сто лет, пока храм согреется от теплоты библейских фресок, от дыхания вечных святых и смертных смиренных прихожан. Олег Лукин, подняв взор к высоким сводам, думал не об этом, он испытывал совсем не сложное, а простое чувство просветления и благодарности к тем, кто взял на себя праведный труд и на голом месте поднял оплот доброты и прощения. И Олег стал бессознательно

оглядываться по сторонам, искать повод, чтобы помочь этим людям. С облегчением он увидел аккуратный коробок для пожертвований и опустил в узкую щель несколько скомканных бумажек.

Уже возвратясь к машине, все невольно оглянулись назад: храм все плыл по небу. Или летел...

— Намоленная здесь земля, сильно намоленная, — сказал Борис, садясь за руль, — старый храм на этом месте триста лет жил.

До урочища, где решили метнуть гончих, ехать пришлось недолго, даже храм остался на виду. Охотники со смычком и Баяном шли к заросшей балке, и Лукин, глядя себе под ноги, ломал голову над словесной задачей. Допустим, рассуждал он, место, где стоял храм, считается намоленным. А как назвать ту землю, что сейчас была у него под ногами, — наохоченной, что ли? Олег упрямо пытался вспомнить или придумать нужное слово, но в голову лезли корявые уродцы. Обида на бедность родного языка все не исчезала, постепенно перерастая в раздражение. Слова «молиться» и «охотиться» сделаны вроде бы из одинакового глагольного «теста», но из «молиться» выпеклось слово «намоленное», а из «охотиться» получалось нечто несъедобное. Что за оказия?

— Земля здесь охотничья, — неожиданно прервал мучения Лукина Борис и, указав рукой влево от церкви, продолжал. — Вон там когда-то стояла барская усадьба, лет сорок назад от нее еще фундамент оставался, а потом и его выковырнули, запахали так, что теперь и не угадать то место. Кто-то из стариков рассказывал моему отцу, что барин держал тьму собак.

— Не Вышеславцев ли фамилия у барина была? — спросил Олег, вспомнив свои исторические изыскания.

— Нет, Вышеславцевы, кажется, в Посевкине жили, у них конезавод с чистокровными английскими лошадами был.

Личность борисоглебского помещика Аркадия Сергеевича Вышеславцева давно занимала Лукина. Уже несколько лет он искал свидетельства тому, что именно этот человек написал замечательную книгу «Четыре дня в деревне псового охотника», изданную в 1895 году под инициалами «А. В-ъ».

Вышеславцев в молодости был храбрым кавалеристом, но, женившись, оставил военную службу, посвятив жизнь литературе, живописи, разведению породистых лошадей и борзых собак. Он еще до толстовского Левина живо интересовался сельским хозяйством, публиковал в столичных журналах умные статьи по экономике и научному обустройству деревенской жизни. А еще непоседливый барин объехал полсотни имений псовых охотников в поисках идеальных собак и, когда не нашел, подался в Потсдам на псарню прусского короля: а вдруг хотя бы у немцев сохранились борзые чистых кровей, когда-то подаренные им Александром Первым? Одним словом, чудак-человек был, но душевный, на романтика похожий. Обо всем этом Лукин рассказал своим спутникам.

— Слушай, тебе-то какое дело до наших земляков, ты борисоглебских не трогай, — деланно возмутился Борис и тут же расплылся в широкой улыбке. — Копай, Олег, глубже копай, докажи всем, что воронежские мужики никогда не были лыком шиты. И собаки... А ну-ка, живоглоты родимые, задайте жару косому, здесь он был, здесь лежал, здесь бежал!

И опять гончаки быстро подняли и повели зайца, опять вокруг Лукина завертелась живая карусель. Вот выжловка Пройдоха и Голубь-Глеб, сверкнув рыжими боками, проскочили рядом с Олегом, и воздух дрогнул, всколыхнулся теплыми волнами, нагрелся от жаркого гона, горячей собачьей страсти. Смычок выгнал зверя из балки, с ходу пронзил полосу молодого сосняка, ми-

новал поле сжатых подсолнухов и гнал зверя все дальше и дальше, в те нездешние дали, где нет ни боли, ни тревоги. Голоса гончих, только что гремевшие под самым боком, стихая, улетали за леса и доли и скоро сошли со слуха, словно гончие умчались на свои вечные круги в старую книгу Егора Дрянского. Эй, старина Феопен, очнись, услышь на горних высях сладостную песнь гончих мастеров!

Как ни привольно на книжных страницах, а все же надо возвращаться на грешную землю. Гоньба поворотила вспять, явственно обозначился ход зверя, — время бежать напрапалую, подскочить на

лаз. И тут на «гладкой высоте» с небесно-голубой колокольни ударил главный колокол. Настроив силу и ритм боя, звонарь подладил к нему подголоски, и над землей поплыла, разливаясь вширь, музыка неба. В ее торжественном многоголосии тонули и вновь всплывали звонкие переливы гона, и эту гармонию не хотелось нарушать — двигаться с места и куда-то суетливо бежать. Хотелось без усталости смотреть на родные перелески и раздольные поля, облитые солнечным светом, но смотреть из-за влажной пелены на глазах становилось все труднее — лучше закрыть глаза и слушать Россию охотничью.

РИСУНОК: А. ДЕГТЕВ

Трапезная

ГОТОВЬ СЛАСТИ ЛЕТОМ

Максим Сырников

На каждом углу продают у нас так называемые цукаты — всех цветов радуги: красные, синие, ядовито-зеленые. Производятся они на китайских фабриках из чего попало, окрашиваются синтетическими красками. Обидно бывает при виде того, как русская хозяйка портит подобными ингредиентами пасхальный кулич или творожную пасочку, праздничную выпечку или сладкую кашу.

КОНЕЦ лета и начало осени — самое время запастись собственными цукатами, настоящими, без химии и прочих ненужных хитростей.

Делают их из груш, подвяленных ягод и даже из того, что обычно не считается съедобным. Вот, к примеру, арбузные корки чаще всего выбрасываются, а между тем из них можно приготовить отличные домашние цукаты.

Эти корки нарезают с двух сторон — и от красной мякоти, и от тонкой зеленой верхней корочки. Остается только одноцветная белая часть, которую нарезают прямоугольными кусочками. Последние варят в воде минут пятнадцать — двадцать, а потом промывают холодной водой.

Погружают в кипящий сахарный сироп и варят уже в нем — минут пять. После чего вместе с сиропом охлаждают до комнатной температуры. А затем снова кипятят потихоньку пять минут. И снова охлаждают. И так раз восемь — десять.

После двух-трех циклов в сироп добавляют сок и корки лимона и апельсина.

Количество сиропа надо постараться рассчитать так, чтобы под конец действия его оставалось со-

всем немного — еле-еле покрывал наши кусочки.

Ну а готовые цукатики подсушиваются на вошеной бумаге или сите. И хранятся хоть год, хоть два.

ФОТО: ПАВЕЛ БАЛАБАНОВ/РИА НОВОСТИ

П. КОРИН. «СПОЛОХИ. ЛЕВАЯ ЧАСТЬ ТРИПТИХА». 1966. ФРАГМЕНТ

Свободы

ИЮЛЬ–АВГУСТ 2017

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Византии